

Анджей Сапковский

ВЕДЬМАК

Час Презрения

Иллюстрации Дениса Гордеева

Сапковский с иллюстрациями

Анджей Сапковский

Ведьмак. Час Презрения

«АСТ»

«АСТ»

1995

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84 (4Пол)-44

Сапковский А.

Ведьмак. Час Презрения / А. Сапковский — «АСТ», «АСТ»,
1995 — (Сапковский с иллюстрациями)

ISBN 978-5-17-096882-4

Между Империей Нильфгаард и королевствами нордлингов установился непрочный мир, но, похоже, это лишь затишье перед бурей. Маленькое пограничное королевство Цинтра, а также его наследница Цири, внучка Львицы Калантэ, наследие Старшей Крови, может стать неожиданным козырем в большой игре королей, магов и спецслужб по обе стороны конфликта. Одни хотят уничтожить Дитя Предназначения, другие – взять под контроль, третьи – сделать символом освобождения. Возможно, все решится во время сбора чародейского Капитула на острове Танедд, где вновь сойдутся пути Цири, чародейки Йеннифэр и ведьмака Геральта по прозвищу Белый Волк. Ведь все ближе Час Белого Хлада и Белого Света. Час Безумия и Час Презрения. А в Час Презрения одинокий должен погибнуть... Сага А. Сапковского давно занимает почетное место в мировой традиции жанра фэнтези, а Геральт стал культовым персонажем не только в мире литературы, но и в универсуме компьютерных игр. Четвертая книга из цикла «Ведьмак» впервые выходит с иллюстрациями Дениса Гордеева, созданными специально для этого издания.

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84 (4Пол)-44

ISBN 978-5-17-096882-4

© Сапковский А., 1995

© АСТ, 1995

© АСТ, 1995

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Анджей Сапковский

Час Презрения

Andrzej Sapkowski
Czas pogardy

Copyright © Andrzej Sapkowski, 1995
© Е. П. Вайсброт, наследники, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Ты в крови. Лицо и руки.
Вся в крови твоя одежда.
Так гори, прими же муки,
Фалька, изверг. Брось надежду.*

Детская песенка, исполняемая во время аутодафе куклы Фальки в сочевник Саовины

ВЕДЬМАНЫ, т. е. ведьмаки нордлингов (см.) – таинственная элитная каста жрецов-воинов, вероятно, один из друидских кланов (см.). Обладая, как считается в народе, магической силой и сверхчеловеческими способностями, В. боролись против чудовищ, злых духов и всяческих темных сил. В действительности же мастерски владевшие оружием В. использовались владыками Севера в межплеменных разборках. Во время боя В., впадая в транс, вызываемый, как полагают, самогипнозом либо одурманивающими декоктами, слепо бились, будучи совершенно невосприимчивыми к боли и даже серьезным телесным повреждениям, что укрепляло веру в их сверхъестественные способности. Теория, гласящая, что В. представляют собой продукт мутации либо генной инженерии, подтверждения не получила. В. – герои многочисленных сказаний нордлингов (ср. Ф. Деланной «Мифы и легенды народов Севера»). Эффенберг и Тальбот «Encyclopaedia Maxima Mundi», т. XV

Глава первая

– Чтобы зарабатывать на жизнь в качестве настоящего гонца, – любил говаривать Аплегатт поступающим на службу юнцам, – требуются, во-первых, золотая голова и, во-вторых, железная задница. Золотая голова, – поучал Аплегатт молодых гонцов, – необходима, поскольку под одеждой, в привязанной к голой груди плоской кожаной суме гонец возит только малозначительные сообщения, которые, не опасаясь, можно доверить ненадежной бумаге либо пергаменту. По-настоящему же важные, секретные известия, от которых многое зависит, гонец должен запомнить и повторить кому следует. Слово в слово. А это порой бывают непростые слова. Их и выговорить-то трудно, не то что запомнить. А чтобы запомнить и, повторяя, не ошибиться, надобна воистину золотая голова.

Что же касается железной задницы, так это любой гонец очень даже скоро почувствует сам, стоит ему провести в седле три дня и три ночи, протрястись сто, а то и двести верст по большакам, а ежели понадобится, то и по бездорожью. Ну, само собой, сидишь в седле не беспрерывно, иногда слезаешь, чтобы передохнуть. Потому как человек может выдержать многое, а лошадь – нет. Но когда после передышки снова заберешься в седло, то кажется, что зад в голос вопит: «Спасите, убивают!»

– А кому в наше время нужны конные гонцы, господин Аплегатт? – иногда удивлялись молодые люди. – К примеру, из Венгерберга до Вызимы никому не доскакать быстрее, чем в четыре-пять дней, даже на самом что ни на есть резвом скакуне. А сколько времени понадобится чародею, чтобы из того же Венгерберга переслать магическое сообщение в Вызиму? Полчаса, а то и меньше. У гонца конь может сбить ногу. Его могут прикончить разбойники или «белки», разорвать волки или грифы. Был гонец, и нет гонца. А чародейское сообщение всегда дойдет, дороги не попутает, не запоздает и не затеряется. К чему гонцы, коли при каждом королевском дворе есть чародеи? Нет, господин Аплегатт, теперь гонцы уже не нужны.

Какое-то время Аплегатт тоже думал, что больше он не пригодится. Ему было тридцать шесть. Ростом, правда, он не выдался, но был силен и жилист, работы не чурался, и голова была у него, разумеется, золотая. Мог он найти другую работу, чтобы прокормить себя и жену, отложить немного денег на приданое двум незамужним пока дочерям, мог по-прежнему помогать замужней, мужу которой, безнадежному недотепе, постоянно не везло в делах. Но Аплегатт не хотел и не представлял себе другой работы. Он был королевским конным гонцом.

И вдруг, после долгого мучительного бездействия и никому ненужности, Аплегатт снова потребовался. По большакам и лесным просекам застучали конские копыта. Гонцы, как в добрые старые времена, опять принялись бороздить краину, разнося известия от города к городу.

Аплегатт знал, в чем тут дело. Он видел много, а слышал и того больше. От него требовалось незамедлительно стереть из памяти содержание переданного сообщения, забыть о нем так, чтобы не вспомнить даже под пытками. Но Аплегатт помнил. Помнил и знал, почему короли вдруг перестали обращаться к магии и магикам. Сообщения, которые перевозили гонцы, должны были оставаться тайной для чародеев. Короли вдруг не стали доверять магикам, перестали верить им свои секреты.

Почему так неожиданно охладела дружба королей и чародеев, Аплегатт не знал, да и не очень-то хотел знать. И короли, и магики, по его мнению, были существами непонятными, непредсказуемыми – особенно когда наступали трудные времена. А того, что наступили трудные времена, не заметить было невозможно, разъезжая от города к городу, от замка к замку, от королевства к королевству.

Дороги были забиты военными. По большакам пылили колонны пехотинцев и конников, а каждый встречный начальник был возбужден, взволнован, обидчив и так важен, будто судьбы мира зависели от него одного. Города и замки тоже были полны вооруженного люда, день и

ночь там кипела лихорадочная суета. Обычно незаметные бургграфы и кастеляны теперь без усталости метались по дворам и стенам замков, злые, словно осы перед бурей, орала, сквернословили, отдавали приказы (забывая проверить их исполнение), раздавали пинки и зуботычины. К крепостям и гарнизонам днем и ночью тянулись колонны тяжело груженных телег, навстречу им быстро и легко шли уже пустые обозы. На дорогах вздымали облака пыли перегоняемые прямо с пастбищ горячие трехлетки. Не привыкшие к удилам и вооруженному седоку лошади пользовались последними днями свободы, создавая погонщикам массу дополнительных хлопот, а другим пользователям дорог – немало забот.

Одним словом, в жарком неподвижном воздухе висела война.

Аплегатт приподнялся на стременах, осмотрелся. Внизу, у подножия взгорья, поблескивала река, круто извиваясь меж луговин и куп деревьев. За рекой, на юге, раскинулись леса. Гонец прижал пятками лошадь.

Время торопило.

Он был в пути уже два дня. Королевский приказ и почта застали его в Хагге, где он отдыхал после возвращения из Третогогора. Из крепости выехал ночью, рысью прошел по большаку вдоль левого берега Понтара, перед рассветом пересек границу с Темерией, а теперь, в полдень второго дня, уже был на берегу Исмены. Если б король Фольтест оказался в Вызиме, Аплегатт вручил бы ему послание еще минувшей ночью. К сожалению, короля не было в столице, он пребывал на юге страны, в Мариборе, почти в двух сотнях верст от Вызимы. Аплегатт знал об этом, потому в районе Белого Моста оставил ведущий на запад большак и поехал лесами в сторону Элландера. Он немного рисковал. В здешних лесах разбойничали «белки» – эльфы бригады, скоя'таэли, и горе тому, кто попадал им в руки либо нарывался на стрелу. Но королевский гонец вынужден рисковать. Служба такая.

Аплегатт легко преодолел реку – с июня не было дождей, и вода в Исмене заметно спала. Придерживаясь опушки леса, добрался до дороги, ведущей из Вызимы на юго-восток, в сторону краснолюдских медеплавильных кузниц и поселков в массиве Махакам. По дороге тащились телеги, их то и дело опережали конные разъезды. Аплегатт облегченно вздохнул. Гделюдно – нет скоя'таэлей. Кампания против восставших эльфов тянулась в Темерии уже год, преследуемые по лесам «беличьи» бригады разбились на мелкие группы, а мелкие группы держались вдали от шумных дорог, и засад на них не устраивали.

К вечеру он уже был на западной границе княжества Элландер, у развилки вблизи деревушки Завада, отсюда прямая и безопасная дорога вела на Марибор – сорок две версты мощным людным трактом. На развилке пристроилась корчма. Он решил передохнуть и дать отдых лошади. Знал, что если выехать на заре, то, даже не особенно утомляя кобылку, можно будет еще до захода солнца увидеть серебряно-черные флаги на красных крышах башен мариборского замка.

Он расседлал кобылу и, отпустив слугу, сам протер ее. Аплегатт был королевским гонцом, а королевские гонцы никому не позволяют прикасаться к своим лошадям. Съел внушительную порцию яичницы с колбасой и четвертушку пеклеванного хлеба, запил четвертой пива. Послушал сплетни. Самые разные. В корчме останавливались путешественники со всех сторон света.

В Доле Ангре снова заварушка, снова отряд лирийской кавалерии столкнулся на границе с нильфгаардским разъездом. Мэва, королева Лирии, опять на весь мир обвинила Нильфгаард в провокациях и попросила помощи у короля Демавенда из Аэдирна. В Третогогоре свершилась публичная экзекуция реданского барона, который тайно сносился с эмиссарами нильфгаардского императора Эмгыра. В Каэдвене объединившиеся в большую группу подразделения скоя'таэлей учинили резню в форте Лейда. В ответ население Ард Каррайга устроило погром, истребив почти четыре сотни живших в столице нелюдей.

В Темерии, рассказали едущие с юга купцы, среди цинтрийских эмигрантов, собранных под штандарты маршала Виссегерда, царит печаль и траур, ибо подтвердилось страшное сообщение о смерти Львенка, княжны Цириллы, последней из рода королевы Калантэ, Львицы из Цинтры.

Было поведано еще несколько страшных и зловещих историй. Например, что в некоторых местностях коровы вдруг стали давать кровь, а не молоко, а на рассвете люди видели в тумане Деву Мора, предвестницу жуткой гибели. В Бругге, в районах леса Брокилон, заповедного королевства лесных дриад, объявился Дикий Гон, галопирующее по небесам скопище ведьм, а Дикий Гон, каждому ведомо, всегда предвещает войну. С полуострова Бремервоорд заметили призрачный корабль, а на его борту – привидение черного рыцаря в шлеме с крыльями хищной птицы...

Дальше гонец прислушиваться не стал, он был сильно утомлен. Отправился в общую ночлежную комнату, колодой повалился на подстилку и уснул.

Поднялся на заре. Выйдя во двор, немного удивился – оказалось, что он не первым собрался в путь, а такое случалось не часто. У колодца стоял оседланный гнедой жеребец, рядом в корыте мыла руки женщина в мужской одежде. Услышав шаги Аплегатта, она обернулась, мокрыми руками собрала и отбросила на спину буйные черные волосы. Гонец поклонился. Женщина слегка кивнула.

Входя в конюшню, он чуть не столкнулся со второй ранней пташкой – молоденькой девушкой в бархатном берете, выводившей в этот момент серую в яблоках кобылу. Девушка потирала лицо и зевала, прижавшись к боку лошади.

– Ой-ёй, – буркнула она, проходя мимо гонца. – Точно, усну в седле... Усну... Аауауа...

– Холод разбудит, когда кобылку разгонишь, – вежливо сказал Аплегатт, стаскивая с балки седло. – Счастливого пути, мазелька...

Девушка повернулась и глянула на него так, словно только сейчас увидела. Глаза у нее были огромные и зеленые, как изумруды. Аплегатт накиннул на лошадь чепрак.

– Счастливого пути, говорю. – Обычно он не был словоохотлив или разговорчив, но сейчас чувствовал потребность поболтать с ближним, даже если этим ближним была самая что ни на есть обычная заспанная девчонка. Может, виной тому – долгие дни одиночества на дороге, а может, то, что девчонка немного походила на его среднюю дочку.

– Храни вас боги, – добавил он, – от несчастий и дурных приключений. Вы же вдвоем, да к тому же женщины... А времена теперь недобрые. Кругом опасности поджидают на большаках...

– Опасности... – вдруг проговорила девочка странным, измененным голосом. – Опасность – тихая. Не услышишь, как налетит на серых перьях. Я видела сон. Песок... Песок был горячий от солнца...

– Что? – замер Аплегатт, прижимая к животу седло. – О чем ты, мазелька? Какой песок?

Девочка сильно вздрогнула, протерла лицо. Серая в яблоках кобыла тряхнула головой.

– Цири! – крикнула черноволосая женщина со двора, поправляя подпругу и выюки. – Пospеши!

Девочка зевнула, глянула на Аплегатта, буркнула что-то невнятное. Казалось, она удивлена его присутствием в конюшне. Гонец молчал.

– Цири, – повторила женщина. – Заснула?

– Иду, иду, госпожа Йеннифэр!

Когда Аплегатт оседлал коня и вывел во двор, женщины и девочки там уже не было. Протяжно и хрипло пропел петух, разлаялась собака, в деревьях откликнулась кукушка. Гонец вскочил в седло. Неожиданно вспомнил зеленые глаза заспанной девочки, ее странные слова. Тихая опасность? Серые перья? Горячий песок? Не иначе как не в своем уме девка, подумал он. Множество таких сейчас встречается – спятивших девчонок, обиженных в военные дни мародерами или другими бродягами. Да, не иначе тронутая. А может, просто как следует не проснувшаяся, еще толком не пришедшая в себя? Диву даешься, какие бредни порой люди плетут на рассвете, между сном и явью...

Он снова вздрогнул, а между лопатками почувствовал боль. Помассировал плечи пятерней.

Оказавшись на мариборском тракте, он всадил коню пятки в бока и послал в галоп.

Время торопило.

В Мариборе гонец отдыхал недолго – не кончился день, а ветер уже снова свистел у него в ушах. Новый конь, чубарый жеребец из мариборских конюшен, шел ходко, вытягивая шею и метя хвостом. Мелькали придорожные вербы. Грудь Аплегатта прикрывала сума с дипломатической почтой. Зад вопиял.

– Хоть бы ты себе шею свернул, летун проклятый! – рявкнул ему вслед возница, натягивая вожжи пары, напуганной промчавшимся чубарым. – Ишь прет, будто ему смерть пятки лижет! Ну-ну, при, дурень, все едино – от костлявой не сбежишь!

Аплегатт протер слезящиеся от ветра глаза.

Вчера он передал королю Фольтесту письмо, а потом проговорил тайное послание короля Демавенда:

Демавенд – Фольтесту. В Доль Ангре все готово. Ряженные ждут приказа. Намечен срок: вторая июльская ночь после новолуния. Люди должны высадиться на том берегу спустя два дня.

Над большаком, громко каркая, летели вороны. Они летели на восток, в сторону Махакама и Доль Ангры, в сторону Венгерберга. Гонец мысленно повторил слова секретного послания, которое через него король Темерии слал королю Аэдирна:

Фольтест – Демавенду. Первое: акцию задержать. Мудрилы собрались на острове Танедд, хотя встретиться и что-то обсудить. Их Сбор может многое изменить. Второе: поиски Львенка можно прекратить. Подтвердилось: Львенок мертв.

Аплегатт ткнул чубарого пятками.

Время торопило.

Узкая лесная дорога была забита телегами. Аплегатт придержал коня, спокойно потрусил к последнему в длинной веренице возу. Сразу же сообразил, что через затор не пробиться. О том, чтобы повернуть назад, не было и речи: слишком большая потеря времени. Лезть в болотистую чащобу, чтобы обойти затор, тоже не очень улыбалось, тем более что дело шло к ночи.

– Что случилось? – спросил он возниц с последней телеги обоза, двух старичков, из которых один, похоже, дремал, а второй был мертв. – «Белки» напали? Отвечайте! Я спешу!

Не успел старикан ответить, как со стороны невидимой в лесу головы колонны послышались крики. Возницы спешно запрыгивали на телеги, хлестали лошадей и волов, сопровождая удары малоизысканными проклятиями. Колонна тяжело стронулась с места. Дремавший старичок очнулся, тряхнул бородой, чмокнул мулам и хлестнул их вожжами по крупам. Старик, казавшийся мертвым, воскрес, сдвинул на затылок соломенную шляпу и глянул на Аплегатта.

– Гляньте-ка. Он спешит. Эй, сынок, те посчастливилось. В сам час прискакал.

– И то верно, – пошевелил бородой второй старик и подстегнул мулов. – В сам час. Ежели б в полудень заехал, стоял бы с нами, ждал вольного проезда. Все мы спешим, а торчать пришлось. А как проедешь, коли тракт запёрт?

– Тракт был закрыт? Это почему же?

– Свирепый людоедец объявился, сынок. На лыцаря напал, что сам-друг со слугой ехал. Лыцарю-то вроде как чуд энтот башку вместилах со шлемом оторвал, коняке кишки выпустил. Слуга успел драпануть, кричал, мол, ужась тама одна, мол, тракт аж красным стал от кровиши.

– Что за чудовище-то? – спросил Аплегатт, сдерживая коня, чтобы продолжить разговор с возницами едва волочившейся телеги. – Дракон?

– Не-а, не дракон, – встрял второй старичок, тот, что в соломенной шляпе. – Говорят, мандыгор аль как-то этак. Слуга болтал, мол, летучий стервь, страсть какой жуткий. А уж яры – мочи нету! Слуга думал, сожрет лыцаря и улетит, ан где тама! Уселси на дороге, курвишше, и сидит, шипит, зубишшами клацает. Ну вот и закупорил дорогу, навроде как пробка флягу, потому как ежели кто подъезжал и чуду энту видел, тут же воз бросал и деру. Возов понабралося с полверсты, а кругом, сам видишь, болоты, сынок, пушша и трясина, ни объехать, ни завернуть. Вот и стоим, стало быть.

– Столько народу, – фыркнул гонец, – а стояли как столбы какие! Надо было топоры хватать да колья и согнать зверюгу с дороги, а то и прибить.

– Оно, конешным делом, пробовали. Некоторые, – сказал державший вожжи старичок, подгоняя мулов, потому что колонна двинулась быстрее. – Трое краснолюдинов из купецкой

стражи, а с ними четверо новобранцев, что в Каррерас в крепость шли, в войско. Краснолюдов бестия покалечила, а новобранцы...

– Сбегли, – закончил второй старичок, после чего сочно и далеко сплюнул, попав точно между крупами мулов. – Сбегли, едва эту мандыгорину узрели. Один вроде бы в штаны наклал. О, глянь, глянь, сынок, это он! Она там!

– Еще чего, – занервничал Аплегатт, – засранца мне собрались показывать? Не интересуюсь...

– Да нет! Чудишше! Убитое чудишше. Солдаты на фуру кладут. Видишь?

Аплегатт приподнялся на стременах. Несмотря на опускающиеся сумерки, через головы любопытных увидел, как солдаты поднимают огромную бледно-желтую тушу. Крылья летучей мыши и скорпионий хвост чудовища бессильно волочились по земле. Гакнув, солдаты подняли тушу повыше и свалили на воз. Запряженные в воз лошади, взволнованные запахом крови и падали, заржали, дернули дышло.

– Не стоять! – рявкнул на старичков командовавший солдатами десятник. – Дальше! Не загоразивать проезд!

Дедок подогнал мулов, воз подскочил на выбоинах. Аплегатт ткнул коня пяткой, поравнялся с ними.

– Похоже, солдаты бестию прикончили?

– Куды там, – возразил старичок. – Солдаты, как пришли, только на людей орали да ругались. То – стой, то – оттяни назад, то то, то другое. К чуду-то не больно спешили. Послали за ведьмаком.

– Ведьмаком?

– Ну да, – подтвердил второй старичок. – Которому-то из них припомнилось, будто он в деревне ведьмака видел, вот и послали за им. Опося он проезжал мимо нас. Волос белый, морда отвратная и крепкий меч за спиной. И часу не прошло, как спереду кто-то крикнул, мол, щас можно будет ехать, потому как ведьмак бестию укотрупил. Тута наконец тронулися мы, и аккурат, сынок, ты заявился!

– Хм, – задумчиво проговорил Аплегатт. – Сколько лет по дорогам гоняю, а ведьмака еще не встречал. Кто-нибудь видел, как он то чудовище уделывал?

– Я видел! – крикнул паренек с расчехренной шевелюрой, подъезжая с другой стороны телеги. Ехал он без седла, управлял худой клячей с помощью уздечки. – Все видел! Потому как рядом с солдатами был, в самом переду!

– Гляньте-ка на него, – фыркнул старик с вожжами. – Молоко на губах не обсохло, а умничает – страх! А хлыста не хошь?

– Оставьте его, отец, – бросил Аплегатт. – Скоро развилок, оттуда я на Каррерас пойду, а сначала хотелось бы знать, как оно было с тем ведьмаком. Давай выкладывай, малый.

– А было оно так, – быстро начал парень, двигаясь шагом вровень с телегой, – что прибыл тот ведьмак к войсковому командиру. Сказал, что звать его Герант. Командир ему на то: мол, как звать, так и звать, лучше пусть за дело берется. И показал, где чудовище сидит. Ведьмак подошел ближе, поглядел малость. До чудовища было шагов сто, может, меньше, но он только сдался глянул и сразу говорит, мол, это исключительно огромный мантихор и что он его прибьет, ежели ему двести крон заплатят.

– Двести крон? – зашелся второй старичок. – Он што, сдурел?

– То же ему и командир сказал, только малость поглубше. А ведьмак на то: мол, столько это стоит и что ему-де все едино, пусть чудовище сидит на дороге хоть до Судного дня. Командир в ответ, что столько не заплатит, лучше погодит, пока чудо само улетит. Ведьмак ему: мол, не улетит, потому как оно голодное и злое. А ежели улетит, то тут же обратно возвратится, потому как это его охотничья тера... терера... тория.

– А ты, сопляк, не балабол! – разозлился старичок, без видимого результата пытаюсь высморкаться в пальцы, в которых одновременно держал вожжи. – Говори, как оно было...

– А я чего? Ведьмак говорит: не улетит чудовище, а будет всю ночь убитого лыцаря глотать поманеньку, потому как лыцарь в железе, трудно его выковыривать изнутри-то. Тут подошли купцы и ну ведьмака уламывать: и так, и этак, мол, скинутся и сто крон ему дадут. А ведьмак в ответ, что бестия-де зовется мантихор и сильно опасна, а свои сто крон купцы могут запихать себе в задницу, он шею подставлять задарма не намерен. Ну тут командир рассерчал и говорит: мол, такова, значит, собачья и ведьмачья доля – шею подставлять, а задница не для крон сделана, а к сранью приспособлена. А купцы, видать, боялися, что ведьмак тоже разозлится и уйдет, потому как согласились на сто пятьдесят. Ну ведьмак меч достал и отправился по тракту к тому месту, где чуда сидела. А командир, видать, со зла, шагнул след за ним, на землю сплюнул и говорит, что таких выродков адовых незнамо почему земля носит. Один купец ему на то, что коли б войско заместо того, чтоб по лесам за эльфами гоняться, страховидлов с дорог выгоняло, то и ведьмаки не нужны были бы, и что...

– Заткнись, – прервал старичок, – и давай выкладывай, что видал.

– Я, – похвалился парень, – ведьмакову кобылу стерег, каштанку со стрелкой белой.

– Хрен с ней, с кобылой! А как ведьмак чудишше забивал, видел?

– Эээ, – затянул парень. – Не видел... Меня назад прогнали. Все в голос орали и коней пугали, тогда...

– Я сказал, – презрительно сплюнул дедок, – ни фига ты не видел, сопляк.

– Ведьмака видел, когда он вернулся, – захохотился паренек. – А командир, который на все смотрел, сбледнул с лица и тихо проговорил солдатам, что энто не иначе как чары магические либо эльфы фокусы и что обнаковенный человек так быстро мечом махать не сумеет... А ведьмак взял у купцов деньги, уселся на кобылу и уехал.

– М-да, – протянул Аплегатт. – Куда поехал? По тракту к Каррерасу? Если да, то, может, догоню. Хоть гляну на него...

– Не-а, – сказал паренек. – Он с развилка в сторону Дорьяна двинул. Спешил сильно.

Ведьмаку редко что-нибудь снилось, да и те редкие сны он, проснувшись, не помнил. Даже кошмары – а обычно это кошмары и были.

На сей раз тоже был кошмар, но на сей раз ведьмак запомнил по крайней мере фрагмент. Из клубка каких-то неясных, но беспокоящих фигур, странных, зловещих сцен и непонятных, но навевающих ужас слов и звуков неожиданно вылуцился четкий и чистый образ Цири. Не такой, какой он помнил по Каэр Морхену. Ее пепельные, развевающиеся в галопе волосы были длиннее – такие, как тогда, при первой встрече в Брокилоне. Когда она – во сне – пронеслась мимо, он хотел крикнуть, но не мог издать ни звука. Хотел броситься за ней, но ему чудилось, будто он по пояс увяз в густеющей смоле. А Цири, казалось, не видит его, уносится дальше, в ночь, скрывается между покореженными ольхами и вербами, а деревья словно живые размахивают ветвями. И тут он увидел, что ее преследуют, что вслед за нею мчится вороной конь, а на нем – всадник в черных доспехах и шлеме, украшенном крыльями хищной птицы.

Геральт не мог ни пошевелиться, ни крикнуть. Мог только смотреть, как крылатый рыцарь догоняет Цири, хватает за волосы, стаскивает с седла и мчится дальше, волоча ее за собой. Он мог только смотреть, как лицо Цири синеет от боли, а изо рта ее вырывается беззвучный крик. Проснуться! – приказал он себе, не в силах выносить кошмар. Проснуться! Проснуться немедленно!

Он проснулся.

Долго лежал неподвижно, заново переживая сон. Вытянул из-под подушки мешочек, быстро пересчитал десятикрановки. Сто пятьдесят за вчерашнего мантихора. Пятьдесят за

мгляка, которого убил по просьбе войта из деревушки под Каррерасом. И пятьдесят за оборотня, которого ему указали поселенцы из Бурдорфа.

Пятьдесят за оборотня – работа была легкой. Оборотень не защищался. Загнанный в пещеру, из которой не было выхода, он упал на колени и молча ожидал удара мечом. Ведьмаку было его жаль.

Но ему нужны были деньги.

Не прошло и часа, как он уже ехал по улицам города Дорьяна в поисках знакомого переулка и знакомой вывески.

Вывеска гласила: «Кодрингер и Фэнн. Консультации и юридические услуги». Однако Геральт прекрасно знал, что занятия Кодрингера и Фэнна имели в принципе очень мало общего с законом, у самих же партнеров была масса причин избегать любого контакта как с законом, так и с его представителями. Не менее серьезно ведьмак сомневался и в том, что кто-либо из клиентов, посещавших контору, вообще знал, что означает слово «консультации».

На нижний этаж с улицы входа не было – были только солидно запертые ворота, вероятно, ведущие в сарай с телегами или в конюшню. Чтобы добраться до дверей, требовалось обойти дом сзади, войти на грязный, полный кур и уток двор, оттуда подняться по лесенке, а затем пройти по узкой галерейке к темному коридору. Только тогда посетитель оказывался перед крепкими, окованными железом дверями красного дерева, украшенными большой латунной колотушкой в форме львиной головы.

Геральт постучал и сразу же отступил. Он знал, что вмонтированный в двери механизм может выстрелить через скрытые в оковке отверстия двадцатидюймовыми железными стрелами. Теоретически стрелы вылетали из дверей только в том случае, когда кто-либо пытался алхимичить с замком или же когда Кодрингер либо Фэнн нажимали на спусковое устройство, но Геральт уже не раз убеждался, что безотказных механизмов не существует и порой они действуют даже тогда, когда действовать, казалось бы, не должны. И наоборот.

Видимо, в дверях было какое-то – скорее всего чародейское – приспособление, опознающее гостей. После того как посетитель ударял колотушкой, никто изнутри никогда ни о чем не спрашивал и не требовал, чтобы ему отвечали. Двери отворялись, и в них появлялся Кодрингер, и никогда – Фэнн.

– Привет, – сказал Кодрингер. – Входи. Незачем так прижиматься к стенке: я размонтировал защиту. Несколько дней назад с ней что-то приключилось, она ни с того ни с сего заработала и продырявила старьевщика. Входи смело. У тебя дело ко мне?

– Нет. – Ведьмак вошел в просторные мрачные сени, в которых, как всегда, слегка отдавало кошкой. – Не к тебе. К Фэнну.

Кодрингер расхохотался, утверждая ведьмака в подозрении, что Фэнн – фигура стопроцентно мифическая, служившая лишь тому, чтобы вводить в заблуждение судебных приставов, прево, сборщиков налогов и прочих ненавистных Кодрингеру личностей.

Они вошли в контору, в которой было посветлее: комната располагалась на втором этаже, и в солидно зарешеченные окна большую часть дня светило солнце. Геральт занял стул, предназначенный для клиентов. Напротив за дубовым столом раскинулся в мягком кресле Кодрингер, велевший именовать себя «юристом», человек, для которого не существовало ничего невозможного. Если у кого-то возникали затруднения, заботы, проблемы – он шел к Кодрингеру. И тут же получал на руки доказательства непорядочности и злоупотреблений компаньонов или банковский кредит без обеспечения и гарантий. Единственный в длинном списке кредиторов взыскивал наличность с фирмы, объявившей себя банкротом. Получал наследство, несмотря на то, что богатый дядюшка грозился не оставить ему ни медяка. Выигрывал процесс о наследстве, потому что даже самые близкие родственники неожиданно снимали претензии. Сын клиента выходил из тюрьмы либо освобожденный от обвинений на основании неопровержимых

доказательств, либо ввиду отсутствия таковых, ибо, если даже доказательства в свое время и существовали, они таинственным образом исчезали, а свидетели наперебой отказывались от прежних показаний. Охотник за приданым, пытающийся заарканить дочку, неожиданно обращал свои интересы на другую. Любовник жены или соблазнитель дочери в результате несчастного случая получал переломы трех конечностей, в том числе по меньшей мере одной верхней. Заклятый враг или иной столь же неудобный тип переставал вредить – как правило, он пропадал без следа. Да, если у кого-то были проблемы, он ехал в Дорьян, быстренько бежал в фирму «Кодрингер и Фэнн» и стучался в двери красного дерева. В дверях возникал «юрист» Кодрингер, невысокий, щуплый, седовласый, с нездоровой кожей, какая бывает у человека, редко выходящего на свежий воздух. Кодрингер приглашал в контору, усаживался в кресло, брал на колени большого черно-белого кота и поглаживал его. Оба – Кодрингер и котяра – осматривали клиента неприятным, вызывающим беспокойство взглядом желто-зеленых глаз.

– Я получил твое письмо. – Кодрингер и кот бросили на ведьмака желто-зеленые взгляды. – Посетил меня также и Лютик. Он проезжал через Дорьян несколько недель назад. Рассказал кое-что о твоих заботах и горестях. Но очень мало. Слишком мало.

– Правда? Ты меня удивляешь. Это первый известный мне случай, когда Лютик не сказал слишком много.

– Лютик, – Кодрингер не улыбнулся, – мало сказал, потому что и знал мало. А сказал меньше, чем знал, потому что попросту кое о чем ты ему говорить запретил. Откуда такое недоверие? Причем к коллеге?

Геральт едва заметно вздохнул. Кодрингер собирался сделать вид, будто не заметил, но не смог, потому что заметил кот. Широко раскрыв глаза, кот обнажил белые клыки и почти беззвучно зашипел.

– Не раздражай кота, – сказал «юрист», успокаивая животное. – Тебе не понравилось слово «коллега»? Но это же правда. Я тоже своего рода ведьмак. Я тоже освобождаю людей от чудовищ и чудовищных забот. И тоже делаю это за деньги.

– Есть некоторая разница, – проворчал Геральт под все еще недружелюбным взглядом кота.

– Есть, – согласился Кодрингер. – Ты – ведьмак анахроничный, а я ведьмак современный, идущий в ногу со временем. Поэтому вскоре ты останешься без работы, а я буду процветать. Выворотней, стрыг, эндриаг и вурдалаков в мире не останется. А сукины дети будут всегда.

– Но ты-то в основном избавляешь от хлопот именно сукиных детей, Кодрингер. Запутавшиеся в несчастьях бедняки не в состоянии оплатить твои услуги.

– Твои – тоже. Бедняки никогда ничего оплатить не в состоянии. Это им не по силам. Потому они и остаются бедняками.

– Удивительная логика! А уж новая – дух захватывает.

– Таково свойство истины – захватывать дух. А истина-то именно в том, что базу и опору нашей с тобой профессии составляют сукины дети. С той только разницей, что твои уже почти реликт, а мои – реальны и набирают силу.

– Хорошо, хорошо. Давай ближе к делу.

– Давно пора, – кивнул Кодрингер, поглаживая кота, который напрягся и громко замурлыкал, впиваясь когтями ему в колено. – И покончим с делами в порядке их значимости. Первое: мой гонорар, коллега ведьмак, составляет двести пятьдесят новиградских крон. Ты располагаешь такой суммой? Или тоже относишься к запутавшимся в заботах и хлопотах беднякам?

– Сначала проверим, заработал ли ты столько.

– Проверку, – холодно сказал «юрист», – ограничь исключительно собственной персоной и поспеши. А когда уже проверишь, выкладывай деньги на стол. Вот тогда и перейдем к следующим, менее важным вопросам.

Геральт отвязал от пояса мешочек и со звоном бросил на стол. Кот мгновенно спрыгнул с колен хозяина и сбежал. «Юрист» спрятал мешочек в ящик стола, не проверяя содержимого.

– Ты спугнул кота, – сказал он с явным укором.

– Прости. Думал, звон монет – последнее, что может его спугнуть. Говори, что удалось узнать.

– Риенс, – начал Кодрингер, – который тебя так интересуется, фигура довольно таинственная. Мне удалось установить лишь, что два года он провел в школе чародеев в Бан Арде. Его вытурили оттуда, прихватив на мелких кражах. У школы, как обычно, ожидали вербовщики из каэдвенской разведки. Риенс дал себя завербовать. Что он делал для разведки Каэдвена, мне установить не удалось. Но выкидышей из школы чародеев обычно натаскивают на убийц. Сходится?

– Тютелька в тютельку. Продолжай.

– Следующая информация из Цинтры. Господин Риенс сидел там в кутузке. Во времена правления королевы Калантэ.

– За что?

– Представь себе, за долги. Сидел недолго, кто-то его выкупил, выплатив долги вместе с процентами. Операция была осуществлена через банк анонимным доброхотом. Я пытался проследить, от кого шли деньги, но после четырех банков сдался. Риенса выкупил профессионал. И ему очень важна была анонимность.

Кодрингер замолчал, тяжело раскашлялся, приложив платочек ко рту.

– И вдруг сразу по окончании войны господин Риенс появился в Соддене, в Ангрене и в Бругге, – продолжил он после недолгой паузы, вытерев губы и взглянув на платочек. – Изменившийся до неузнаваемости, во всяком случае, в смысле поведения и количества наличных, которыми сорил налево и направо. Потому что ежели говорить об имени, то наглец не перетрутился – продолжал пользоваться именем «Риенс». И как Риенс предпринял интенсивные поиски некоей особы, вернее, особы. Навестил друидов из ангреноского Круга, тех, что приютили сирот войны. Тело одного друида через некоторое время нашли в ближайшем лесу, изуродованное, со следами пыток. Потом Риенс появился в Заречье...

– Знаю, – прервал Геральт. – Знаю, что он сделал с семьей кметов из Заречья. За двести пятьдесят крон я рассчитывал на большее. Пока что новостью для меня была лишь информация о школе чародеев и каэдвенской разведке. Остальное знаю. Знаю, что Риенс – беспощадный убийца. Знаю, что он наглый прохвост и мерзавец, не пытающийся даже брать себе фальшивые имена. Знаю, что работает по чьему-то поручению. По чьему, Кодрингер?

– По поручению какого-то чародея. Этот чародей выкупил его из каталажки. Ты сам сказал, а Лютик подтвердил, что Риенс пользуется магией. Настоящей магией – не фокусами, которые мог бы знать как бывший школяр. Стало быть, кто-то его поддерживает, снабжает амулетами, скорее всего обучает втайне. Некоторые из официально практикующих магов имеют таких секретных учеников и фактотумов для вершения нелегальных либо грязных делишек. На их жаргоне нечто подобное называется «ходить на поводке».

– Ходя на чародейском поводке, Риенс воспользовался бы камуфлирующей магией. А он не меняет ни имени, ни внешности. Не стал даже осветлять кожу после ожога, которым его наградила Йеннифер.

– Это-то и подтверждает, что он ходит на поводке! – Кодрингер закашлялся, отер губы платочком. – Потому что чародейский камуфляж – никакой не камуфляж, только дилетанты применяют нечто подобное. Если бы Риенс скрывался под магическим покровом либо иллюзорной маской, об этом просигналил бы всякий магический аларм, а такие алармы сейчас имеются практически во всех городских воротах. А чародеи улавливают иллюзорные маски безошибочно. В любом скоплении народа, в самой большой толчее Риенс обратил бы на себя внимание каждого чародея так, словно из ушей у него пышет огонь, а из задницы прут клубы

дыма. Повторяю: Риенс действует по распоряжению чародея и действует так, чтобы не привлечь к себе внимания других чародеев.

– Некоторые считают его нильфгаардским шпионом.

– Знаю. Например, Дийкстра, шеф реданской разведки. Дийкстра ошибается редко, поэтому можно принять, что и на этот раз он прав. Но одно не исключает другого. Фактотум чародея может одновременно быть и нильфгаардским шпионом.

– А это значит, что какой-то официально практикующий чародей шпионит в пользу Нильфгаарда с помощью тайного фактотума.

– Глупости. – Кодрингер закашлялся, внимательно осмотрел платок. – Чародей шпионит в пользу Нильфгаарда? Чего ради? Из-за денег? Смешно. Рассчитывая на большую власть под правлением победоносного императора Эмгыра? Еще смешнее. Не секрет, что Эмгыр вар Эмрейс держит своих чародеев в черном теле. Чародеи в Нильфгаарде играют исключительно служебную роль, как, скажем, конюхи. И власти у них не больше, чем у тех же конюхов. Кто-нибудь из наших разнузданных магов решил бы на борьбу в пользу императора, у которого стал бы конюхом? Филиппа Эйльхарт, которая диктует Визимиру Реданскому королевские указы и эдикты? Сабрина Глевиссиг, перебивающая речи Хенсельта Каэдвенского ударом кулака по столу и приказывающая королю заткнуться и слушать? Или, может, Вильгефорц из Рогевеена, недавно ответивший Демавенду Аэдирнскому, что ему сейчас не до короля?

– Короче, Кодрингер. Так что там с Риенсом?

– Ничего особенного. Нильфгаардская разведка пробует добраться до чародея, привлекая к сотрудничеству его фактотума. Из того, что мне известно, Риенс не побрезговал бы нильфгаардскими флоренами и не задумываясь предал бы своего мэтра.

– Теперь-то уж ты несешь чепуху. Даже наши разнузданные, как ты их назвал, магики сообразили бы, что их предали, а раскрытый Риенс повис бы на шибенице. Если б повезло.

– Ну и ребенок же ты, Геральт. Раскрытых шпионов не вешают, а используют. Фаршируют дезинформацией, пытаются переделать в двойных агентов...

– Не заставляй ребенка скучать, Кодрингер. Меня не интересуют ни закулисные делишки разведок, ни политика. Риенс наступает мне на пятки, я хочу знать, почему и по чьей указке. Получается, что по указке какого-то чародея. Кто этот чародей?

– Еще не знаю. Но вскоре буду знать.

– Вскоре, – процедил ведьмак, – для меня слишком поздно.

– Не исключаю, – серьезно проговорил Кодрингер, – что ты влип в паскудную историю, Геральт. Хорошо, что обратился ко мне, я умею вытаскивать из историй. В принципе тебя уже вытащил.

– Seriously?

– Seriously. – «Юрист» приложил платок к губам и закашлялся. – Видишь ли, коллега, кроме чародея, а возможно, и Нильфгаарда, в игре участвует и третья партия. Представь себе, меня посетили агенты тайных служб короля Фольтеста. У них возникли затруднения. Король приказал искать некую потерявшуюся княжну. Когда оказалось, что все не так просто, агенты решили обратиться к специалисту по непростым делам. Излагая проблему, они намекнули специалисту, что о разыскиваемой княжне может многое знать некий ведьмак. Больше того, он даже может знать, где она находится.

– И что на это специалист?

– Для начала выразил недоумение. Его, понимаешь ли, удивило, что упомянутого ведьмака до сих пор не упекли в темницу, чтобы там традиционными способами вытянуть все, что он знает, и немало того, чего не знает, но придумает, дабы удовлетворить любопытство вопрошающих. Агенты ответили, что шеф запретил. У ведьмаков, пояснили агенты, ужасно хилая нервная система, и под пытками они тут же умирают, поскольку, как образно они выразились, у ведьмаков жилка в мозгу лопается. Поэтому-то им было поручено за ведьмаком только сле-

дить, но и эта задача оказалась им не по плечу. Специалист похвалил агентов за рассудительность и велел забежать через две недельки.

– И забежали?

– А как же. И тогда специалист, который уже считал тебя клиентом, представил агентам неопровержимые доказательства того, что ведьмак Геральт не имел, не имеет и не может иметь ничего общего с разыскиваемой княжной. Ибо специалист отыскал очевидцев кончины княжны Цириллы, внучки королевы Калантэ, дочери принцессы Паветты. Цирилла умерла три года назад в лагере для беженцев в Ангрене. Дифтерит. Перед смертью девочка страшно страдала. Не поверишь, у темерских агентов слезы в глазах стояли, когда они слушали моих очевидцев.

– У меня тоже стоят. Насколько я понимаю, темерские агенты не могли или не хотели предложить тебе больше двухсот пятидесяти крон?

– Твой сарказм разрывает мне сердце, ведьмак. Я вытащил тебя из паскудной истории, а ты вместо благодарности заставляешь меня страдать.

– Благодарю и прошу прощения. Зачем король Фольтест велел агентам искать Цири, Кодрингер? Что им было велено сделать, когда найдут?

– Ну и недогадлив же ты. Конечно, прикончить. Ее считают претенденткой на трон Цинтры, а относительно этого трона существуют и другие планы.

– Тут что-то не клеится, Кодрингер. Трон Цинтры сгорел вместе с королевским дворцом, городом и всей страной. Сейчас там правит Нильфгаард. Фольтест это прекрасно знает, другие короли тоже. Как Цири может претендовать на трон, которого уже нет?

– Пошли. – Кодрингер встал. – Попытаемся вместе найти ответ на твой вопрос. Попутно докажу, что доверяю тебе... Что тебя так заинтересовало в этом портрете, позволь узнать?

– То, что он продырявлен так, словно дятел долбил его несколько сезонов подряд, – сказал Геральт, глядя на картину в золоченой раме, висящую на стене напротив стола «юриста». – И то, что на нем изображен исключительный идиот.

– Мой покойный родитель. – Кодрингер слегка поморщился. – Редкостный кретин. Я повесил портрет здесь, чтобы он всегда был у меня перед глазами. В качестве предостережения. Пошли, ведьмак.

Они вышли в сени. Котяра, лежавший посередине ковра и страстно вылизывавший вытянутую под странным углом заднюю лапу, при виде ведьмака незамедлительно сбежал в темень коридора.

– Почему коты так тебя не любят, Геральт? Тут есть что-то общее с...

– Да, – отрезал Геральт. – Есть...

Панель красного дерева беззвучно раздвинулась, явив потайной ход. Кодрингер прошел первым. Панель, несомненно, приводимая в движение магически, закрылась за ними, но они не погрузились в темноту. Из глубин коридора струился свет.

В помещении в конце коридора было прохладно и сухо, в воздухе стоял тяжелый, удушливый запах пыли и свечей.

– Познакомись с моим компаньоном, Геральт.

– С Фэнном? – усмехнулся ведьмак. – Быть не может.

– Может. Признайся, ты подозревал, что никакого Фэнна не существует?

– Ну что ты...

Между подпирающими низкий потолок шкапами и книжными стеллажами послышался скрип, а спустя минуту оттуда выехал странный экипаж. Это было высокое кресло на колесах. В кресле сидел карлик с огромной головой, покоящейся – если не считать шеи – на непропорционально узких плечах. У карлика не было обеих ног.

– Познакомьтесь, – сказал Кодрингер. – Иаков Фэнн, ученый-правовед, мой компаньон и неоценимый сотрудник. А это наш гость и клиент...

– ...ведьмак Геральт из Ривии, – с улыбкой договорил калека. – Нетрудно догадаться. Работаю над проблемой несколько месяцев. Извольте за мной, милсдари.

Они двинулись вслед за поскрипывающим креслом по лабиринту между стеллажами, прогибающимися под тяжестью фолиантов, которых не постыдилась бы университетская библиотека Оксенфурта. Инкунабулы, по оценке Геральта, накапливало несколько поколений Кодрингеров и Фэннов. Ему было приятно оказанное доверие, радовало, что наконец-то можно познакомиться с Фэнном. Однако он не сомневался, что персона ученого правоведа, хоть и абсолютно реальная, частично была и мифической. Мифического Фэнна, неразлучное alter ego Кодрингера, частенько выдвали в городке, а прикованный к креслу ученый правоведа, вероятнее всего, никогда помещения не покидал.

Середина комнаты была освещена особенно хорошо, здесь стоял невысокий, доступный для кресла на колесах поупитр, на котором громоздились книги, свитки пергамента и веленовой бумаги, отдельные листы, какие-то документы, бутылки чернил и туши, пучки перьев и многочисленные загадочные принадлежности. Впрочем, не все были загадочными. Геральт узнал формы для подделки печатей и алмазную терку для ликвидации записей на официальных документах. На середине поупитра лежал небольшой пулевой арбалет-репетир, а рядом из-под бархатной ткани выглядывали огромные увеличительные стекла, изготовленные из шлифованного горного хрусталя. Такие стекла были редкостью и стоили целое состояние.

– Нашел что-нибудь новое, Фэнн?

– Немного. – Калека улыбнулся. Улыбка была милой и располагающей. – Укоротил перечень потенциальных работодателей Риенса до двадцати восьми чародеев...

– С этим пока погодим, – быстро прервал Кодрингер. – Сейчас нас интересует другое. Изложи Геральту причины, по которым исчезнувшей княжной Цинтры так активно заинтересовались агенты Четырех Королевств.

– В жилах девочки течет кровь королевы Калантэ, – проговорил Фэнн, как бы удивленный необходимостью объяснять очевидное. – Она – последняя из королевского рода. У Цинтры серьезное стратегическое и политическое значение. Затерявшаяся, оказавшаяся вне пределов досягаемости претендентка на трон неудобна и даже опасна, если она попадет под нежелательное влияние. Например, влияние Нильфгаарда.

– Насколько я помню, – сказал Геральт, – в Цинтре закон лишил женщин права наследовать трон.

– Верно, – подтвердил Фэнн и снова улыбнулся. – Но ведь женщина может стать чьей-то женой и матерью ребенка мужского пола. Разведслужбы Четырех Королевств узнали о предпринимаемых Риенсом лихорадочных поисках княжны и убеждены, что именно об этом речь. Поэтому решили не дать княжне возможности стать женой и матерью. Простым, но эффективным способом.

– Но княжна мертва, – быстро бросил Кодрингер, наблюдая за изменениями, которые на лице Геральта вызвали слова улыбающегося карлика. – Агенты узнали об этом и прекратили поиски.

– Временно прекратили. – Ведьмак с великим трудом сохранял спокойствие и холодный тон. – Ложь тем отличается от истины, что непременно становится явью. Кроме того, королевские агенты – только одна из партий, участвующих в игре. Агенты, вы сами это сказали, преследовали Цири, чтобы спутать планы другим, тем, кто ее ищет. А другие могут оказаться не столь податливыми на дезинформацию. Я нанял вас, чтобы вы нашли способ обеспечить ребенку безопасность. Ваши предложения?

– Есть у нас некая концепция. – Фэнн глянул на компаньона, но не увидел на его лице приказа молчать. – Мы хотим тонко, но широко распусть слухи, что не только княжна Цири, но даже ее возможные мужские потомки не имеют никаких прав на трон Цинтры.

– В Цинтре кудель не наследует, – пояснил Кодрингер, борясь с очередным приступом кашля. – Наследует исключительно меч¹.

– Совершенно верно, – подтвердил ученый правовед. – Геральт только что сказал сам. Это древний закон, даже дьяволице Калантэ не удалось его отменить, а ведь как старалась.

– Она пыталась свалить закон интригой, – убежденно сказал Кодрингер. – Поясни, Фэнн.

– Калантэ была единственной дочерью короля Дагорода и королевы Адалии. После смерти родителей она выступила против аристократии, видевшей в ней не более чем жену будущего короля. А она хотела править самолично и лишь для проформы и ради поддержания династии соглашалась на институт принца-консорта, сидящего рядом, но значащего не больше, чем расфранченная кукла. Древние роды воспротивились. Калантэ могла выбрать одно из трех: гражданскую войну, отречение в пользу другой линии либо брак с Рёгнером, князем Эббинга. Она выбрала третье. Управляла страной, но... при Рёгнере. Естественно, не позволила себя укротить или отправить в бабий притвор. Она была Львицей из Цинтры. Но на троне сидел Рёгнер, хоть никто и не титуловал его Львом.

– А Калантэ, – добавил Кодрингер, – до зарезу надо было забеременеть и родить сына. Однако ничего не получилось. Она родила дочь, Паветту, потом было два выкидыша, и стало ясно, что больше детей у нее не будет. Все планы рухнули. Вот она, бабья доля. Разрушенная матка перехеривает непомерные амбиции.

Геральт поморщился:

– Ты тривиален до безобразия, Кодрингер.

– Знаю. Правда тоже была тривиальной. Потому что Рёгнер начал втихаря приискивать себе юную принцессу с соответственно широкими бедрами, желательной из семей с проверенной плодovitостью до прабабок включительно. А у Калантэ зашаталась почва под ногами. Любой обед, любой кубок вина могли быть последними, каждая охота могла завершиться несчастным случаем. Много говорит за то, что именно тогда Львица из Цинтры взяла инициативу в свои руки. Рёгнер отошел в мир иной. В стране свирепствовала оспа, и смерть короля никого не удивила.

– Начинаю понимать, – проговорил ведьмак внешне равнодушно, – каковы будут слухи, которые вы намерены тонко, но широко распускать. Цири – по вашей версии – окажется внучкой отравительницы и мужеубийцы?

– Не забегай вперед, Геральт. Продолжай, Фэнн.

– Калантэ, – улыбнулся карлик, – сохранила себе жизнь, но корона была от нее все дальше. Когда после смерти Рёгнера Львица возжадала абсолютной власти, аристократия вновь категорически воспротивилась нарушению законов и традиций. На троне Цинтры должен сидеть король, а не королева. Вопрос поставили ребром: как только маленькая Паветта начнет хоть немного смахивать на женщину, ее надлежит выдать за того, кто станет новым королем. Возможность повторного брака бесплодной королевы даже не рассматривалась. Львица из Цинтры поняла, что может рассчитывать самое большее на роль королевы-матери. Кроме того, мужем Паветты мог вообще стать человек, который полностью отстранил бы тещу от правления.

– Я снова буду тривиальным, – предупредил Кодрингер. – Калантэ всячески оттягивала момент замужества Паветты. Отвергла первый проект марьяжа, когда девочке было десять лет, и второй, когда той исполнилось тринадцать. Аристократы разгадали планы и потребовали, чтобы пятнадцатый день рождения Паветты стал ее последним днем в девичестве. Калантэ пришлось согласиться. Но уже раньше она добилась того, на что втайне рассчитывала. Паветта слишком долго ходила в девицах. У нее кое-где начало чесаться так, что она связалась с пер-

---

¹ В средние века существовал закон «кудели и меча» – о наследовании трона по женской (кудель) и мужской (меч) линии. – *Примеч. пер.*

вым попавшимся бродягой, к тому же заколдованным и превращенным в чудовище. Были там какие-то сверхъестественные обстоятельства, какие-то предсказания, чары, обещания. Какое-то Право Неожиданности. Так, Геральт? Что случилось дальше, ты, вероятно, помнишь. Калантэ притащила в Цинтру ведьмака, а ведьмак наделал там шороху. Не зная, что им манипулируют, снял заклятие с чудовищного Йожа, позволив тому жениться на Павеетте. Тем самым ведьмак обеспечил Калантэ сохранение трона. Связь Павеетты с расколдованным чудовищем оказалась для вельмож таким шоком, что они без слов одобрили неожиданный брак Львицы с Эйстом Турсеахом. Ярл с Островов Скеллиге показался им лучше, нежели бродяга Йож. Таким образом, Калантэ продолжала править страной. Эйст, как все островитяне, относился к Калантэ со слишком большим пиететом, чтобы в чем-либо ей противоречить, а исполнение королевских обязанностей попросту утомляло его. Он полностью отдал бразды правления в ее руки. А Калантэ, пичкая себя медикаментами и эликсирами, таскала супруга в постель днем и ночью. Хотела править до последнего своего часа. А уж если и быть королевой-матерью, то матерью собственного сына. Однако, как я уже сказал, амбиции-то непомерные...

– Не повторяйся.

– На принцессе же Павеетте, жене странного Йожа, уже во время свадебной церемонии было подозрительно свободное платье. Отчаявшаяся Калантэ изменила планы. Если не мой сын, подумала она, так пусть будет сын Павеетты. Но Павеетта родила дочь. Проклятие или как? Однако принцесса еще могла рожать. То есть могла бы. Потому что произошел загадочный несчастный случай. Она и этот странный Йож погибли при невыясненных обстоятельствах в кораблекрушении.

– Не слишком ли много ты пытаешься мне навязать, Кодрингер?

– Я пытаюсь прояснить ситуацию, ничего больше. После смерти Павеетты Калантэ скисла, но ненадолго. Ее последней надеждой была внучка. Дочь Павеетты, Цирилла. Цири, неистовствующее при королевском дворе воплощение дьяволенка. Для некоторых – любимица, особенно для людей в годах, потому что она напоминала им Калантэ, когда та была ребенком. Для других – ублюдок, дочь чудовищного Йожа, на которую, кроме того, предьявлял права некий ведьмак. И теперь мы подходим к сути проблемы: любимицу Калантэ, настойчиво подготавливаемую на роль наследницы престола, воспринимаем некоторыми даже как второе воплощение королевы, Львенка, в котором кипела кровь Львицы, уже тогда некоторые считали не имеющей прав на трон. Цирилла была зачата порочно. Павеетта совершила мезальянс, смешала королевскую кровь с кровью приبلуды неведомого происхождения.

– Хитро, Кодрингер. Только в действительности все не так. Отец Цири вовсе не был последним прибудой. Он был принцем.

– Да что ты говоришь? Не знал. Из какого же королевства?

– Из какого-то на юге... Из Мехта... Да, именно из Мехта.

– Любопытно, – буркнул Кодрингер. – Мехт давно уже под Нильфгаардом. Входит в состав провинции Метинна.

– Но остается королевством, – вставил Фэнн. – Там на троне сидит король.

– Но командует Эмгыр вар Эмрейс, – обрезал Кодрингер. – Кто бы ни сидел там на троне, он сидит по милости и воле Эмгыра. Но коли уж мы заговорили об этом, проверь, кого Эмгыр сделал королем. Я не помню.

– Уже ишу. – Калека толкнул колеса кресла, со скрипом отъехал к стеллажам, стянул с них толстый рулон и принялся просматривать листы, отбрасывая просмотренные на пол. – Хммм... Ага, вот. Королевство Мехт. В гербе попеременно серебряные рыбы и короны на красно-голубом четырехдольном поле...

– Плюнь на геральдику, Фэнн. Кто там король?

– Ойот по прозвищу Справедливый. Избран путем голосования...

– ...Эмгыром из Нильфгаарда, – холодно dokonчил Кодрингер.

– ...Девять лет назад.

– Не тот, – быстро приброесил «юрист». – Этот нас не интересует. Кто был до него?

– Минутку. Вот. Акерспаарк. Умер...

– Умер от острого воспаления легких, пробитых кинжалом убийц, подосланных Эмгыром или шибко справедливым Ойотом. – Кодрингер снова проявил догадливость. – Геральт, упомянутый Акерспаарк вызывает у тебя какие-нибудь ассоциации? Не мог ли это быть папуля Йожа?

– Да, – подтвердил ведьмак после недолгого раздумья. – Акерспаарк. Помню. Так Дани называл своего отца.

– Дани?

– Это его имя. Он был сыном Акерспаарка, принцем...

– Нет, – прервал Фэнн, рассматривая свитки. – Здесь перечислены все: законнорожденные сыновья – Орм, Горм, Хорм и Гонзалес; законнорожденные дочери – Аля, Валя, Нина, Полина, Мальвина и Аргентина...

– Снимаю обвинения в адрес Нильфгаарда и Справедливого Ойота, – серьезно заявил Кодрингер. – Акерспаарк не убили. Он нормально затрахался вусмерть. Потому что наверняка были у него и незаконнорожденные детишки, а, Фэнн?

– Были. И немало. Но никого по имени Дани я что-то не вижу.

– Ясное дело – не видишь. Твой Йож, Геральт, никакой не принц. Даже если его и вправду породил где-то на отшибе этот профессиональный трахтмахер Акерспаарк, от права на титул принца его отделяла чертовски длинная череда законнорожденных Ормов, Гормов и прочих Гонзалесов с их собственным, наверняка многочисленным же потомством. С формальной точки зрения брак Павеиты – типичный мезальянс.

– А Цири – дитя мезальянса, не имеет права на трон?

– Браво!

Фэнн проскрипел к пюпитру, вертя колеса кресла.

– Это аргумент, – сказал он, поднимая огромную голову. – Всего лишь аргумент. Не забывай, Геральт, мы боремся не за корону для княжны Цириллы и не за лишение ее оной. Из распространяемых слухов должно следовать, что девочка не годится на то, чтобы с ее помощью наложить лапу на Цинтру. И если кто-то такую попытку предпримет, ее легко можно будет поставить под сомнение. В политической борьбе девочка перестанет быть фигурой, станет малозначительной пешкой.

– И ее оставят в живых, – бесстрастно dokonчил Кодрингер.

– С формальной точки зрения, – спросил Геральт, – сколь весом этот ваш аргумент?

Фэнн взглянул на Кодрингера, потом на ведьмака.

– Не очень. Цирилла – все же кровь Калантэ, хоть и немного разжиженная. В нормальных условиях ее, возможно, и отстранили бы от трона, но условия сейчас ненормальные. Кровь Львицы имеет политическое значение...

– Кровь... – Геральт потер лоб. – Что значит «Дитя Старшей Крови», Кодрингер?

– Не понимаю. А что, кто-то, говоря о Цирилле, употребил такую формулировку?

– Да.

– Кто?

– Не важно кто. Что это значит?

– Luned aep Nen Ichaeg, – неожиданно сказал Фэнн, отъезжая от пюпитра. – Дословно это не «Дитя», а «Дочь Старшей Крови». Хммм... Старшая Кровь... Встречалось мне такое определение... не помню точно... Кажется, речь идет о каком-то эльфьем предсказании. В некоторых версиях текста пророчества Итлины, тех, что постарше, есть, кажется, упоминание о Старшей Крови Эльфов, или Aep Nen Ichaeg. Но у нас нет полного текста пророчества. Надо бы обратиться к эльфам...

– Оставим это, – холодно прервал Кодрингер. – Не надо излишка проблем, Фэнн, излишек предсказаний и тайн вреден. Благодарю тебя. Ну бывай, плодотворной тебе работы. Геральт, позволь. Вернемся в контору.

– Маловат, верно? – удостоверился ведьмак, как только они вернулись и уселись в кресла: «юрист» за стол, он – напротив. – Маловат гонорар, верно?

Кодрингер поднял со стола металлический предмет в форме звезды и повертел его в пальцах.

– Маловат, Геральт. Копаться в эльфьих предсказаниях – для меня дикая нагрузка, потеря времени и средств. Необходимо найти подходы к эльфам, потому что никто, кроме них, ничего в их записях понять не в состоянии. Эльфские манускрипты – в большинстве случаев дико закрученная символика, акростиhi, а то и просто шифровки. Старшая Речь всегда двузначна. По меньшей мере. А в письменном виде может иметь и десяток значений. Эльфы никогда не стремились помогать тем, кто хотел разобраться в их пророчествах. А в теперешние времена, когда по лесам идет кровавая война с «белками», когда дело доходит до погромов, опасно к ним даже приближаться. Вдвойне опасно. Эльфы могут принять нас за провокаторов, люди – обвинить в предательстве...

– Сколько, Кодрингер?

«Юрист» минуту помолчал, не переставая играть металлической звездой. Наконец сказал:

– Десять процентов.

– Десять процентов от чего?

– Не издевайся, ведьмак. Дело принимает серьезный оборот. Становится все менее ясно, в чем тут дело, а когда не ясно, в чем дело, значит, дело наверняка в деньгах. Тогда мне милее проценты, нежели обычный гонорар. Дашь десять процентов от того, что сам с этого поимеешь. Конечно, с зачетом уже выплаченной суммы. Составим договор?

– Нет. Не хочу ввергать тебя в расходы. Десять процентов от нуля дает нуль, Кодрингер. Я, дорогой коллега, не поимею с этого ничего.

– Повторяю: не издевайся надо мной. Не верю, что ты действуешь без выгоды. Не верю, что за этим не скрывается...

– Меня не интересует, во что ты веришь. Не будет никакого договора. И никаких процентов. Назначь размер гонорара за сбор информации.

– Любого другого, – закашлялся Кодрингер, – я выкинул бы вон, будучи уверен, что он пытается меня провести. Но тебе, анахроничный ведьмак, как-то удивительно к лицу благородное и наивное бескорыстие. Это чисто в твоём стиле, прекрасно и патетически старомодно... позволить себя убить задаром...

– Не будем терять времени. Сколько, Кодрингер?

– Еще столько же. Всего – пятьсот.

– Сожалею, – покачал головой Геральт, – но меня не станет на такую сумму. Во всяком случае, сейчас.

– Повторяю предложение, которое я тебе уже сделал в самом начале нашего знакомства, – медленно проговорил «юрист», продолжая играть звездой. – Возьми у меня работу, и тебя станет. И на информацию, и на другие прелести.

– Нет.

– Почему?

– Тебе не понять.

– Теперь ты ранишь уже не сердце, а гордость профессионала. Ибо я льшу себя надеждой, что в принципе понимаю все. В основе наших профессий лежит сволочизм окружающих, однако ты упорно предпочитаешь анахроничное современному.

– Bravo, – усмехнулся ведьмак.

Кодрингер снова зашелся кашлем, вытер губы, посмотрел на платок, потом поднял желто-зеленые глаза.

– Ты глянул в список магичек и магигов, который лежал на пюпитре? В список потенциальных работодателей Риенса?

– Глянул.

– Ты не получишь его до тех пор, пока я не установлю точно – кто. Не обольщайся тем, что подглядел. Лютик сказал мне, что Филиппа Эйльхарт, вероятнее всего, знает, кто стоит за Риенсом, но тебе эти сведения дать не пожелала. Филиппа не стала бы прикрывать какую-нибудь шушеру. Значит, за этим поганцем стоит важная фигура.

Ведьмак молчал.

– Берегись, Геральт! Ты в серьезной опасности. Кто-то ведет с тобой игру. Кто-то точно предвидит твои действия, кто-то ими управляет. Не позволяй невежеству и зазнайству взять над собой верх. С тобой играют не упыриха, не оборотень и не братья Мишеле. Это даже не Риенс. Дитя Старшей Крови, черт побери! Как будто мало было трона Цинтры, чародеев, королей и Нильфгаарда, так еще вдобавок эльфы. Прерви игру, ведьмак, выходи из нее. Спутай им планы. Сделай то, чего никто не ожидает. Разорви эту сумасшедшую связь, не допусти, чтобы тебя ассоциировали с Цириллой. Оставь ее Йеннифэр, а сам возвращайся в Каэр Морхен и не высывай оттуда носа. Затаись в горах, а я покопаюсь в эльфьих манускриптах, спокойно, без спешки, детально. А после того как узнаю имя занимающегося этим чародея, ты успеешь собрать деньги, и мы произведем обмен.

– Я не могу ждать. Девочка в опасности.

– Верно. Но мне известно, что считают помехой на пути к ней. Помехой, которую надлежит любым путем убрать. Именно поэтому ты – в опасности. За девочку примутся только после того, как прикончат тебя.

– Либо когда я прерву игру, отойду в сторонку и затаюсь в Каэр Морхене. Я слишком много тебе заплатил, Кодрингер, чтобы ты давал мне такие советы.

«Юрист» покрутил в пальцах стальную звезду.

– За сумму, которую ты мне вручил, я активно действую уже некоторое время, ведьмак, – сказал он, сдерживая кашель. – Совет, который я тебе даю, продуман. Затаись в Каэр Морхене, исчезни. И тогда те, кто ищет Цириллу, возьмут ее.

Геральт сощурился и усмехнулся. Кодрингер не побледнел.

– Я знаю, что говорю, – продолжал он, выдержав взгляд и ухмылку. – Преследователи твоей Цири найдут ее и сделают с ней, что захотят. А тем временем и она, и ты будете в безопасности.

– Объяснись, прошу. По возможности быстрее.

– Я нашел одну девочку. Дворянку из Цинтры, военную сироту. Она побывала в лагерях для беженцев, сейчас измеряет аршином и кроит ткани, приютил ее суконник из Бругге. Она не отличается ничем особенным, кроме одного: здорово напоминает портрет на некоей миниатюре, изображающей Львенка из Цинтры... Хочешь взглянуть?

– Нет, Кодрингер. Не хочу. И не согласен с таким решением.

– Геральт, – прикрыл глаза «юрист», – что тобою движет? Если ты хочешь уберечь свою Цири... Сдается мне, ты сейчас не можешь себе позволить роскошь презрения. Пренебреже-

ния. Нет, я неверно выразился. Ты не можешь позволить себе роскошь пренебрегать пренебрежением. Презирать презрение. Грядет время небрежения, коллега ведьмак, Час Презрения. Колоссального. Безграничного. Ты должен приспособиться. То, что я тебе предлагаю, – прямая альтернатива. Некто должен умереть, чтобы мог жить другой. Тот, кого ты любишь, уцелеет. Умрет другая девочка, которую ты не знаешь, которой никогда не видел.

– Которой могу пренебречь? – прервал ведьмак. – За то, что я люблю, я должен заплатить пренебрежением к самому себе? Презрением? Нет, Кодрингер. Оставь ребенка в покое, пусть продолжает измерять сукно аршином. Ее портретик уничтожь. Сожги. А за мои двести пятьдесят тяжко заработанных крон, которые ты кинул в ящик, дай мне нечто другое. Информацию. Йеннифэр и Цири покинули Элландер. Я уверен, ты об этом знаешь. Уверен, знаешь, куда они направляются. Уверен, знаешь, следует ли кто-то за ними.

Кодрингер побарабанил пальцами по столу, закашлялся.

– Волк, забыв о предупреждении, хочет продолжить охоту, – отметил он. – Не видит, что охотятся на него, что он прет прямо на флажки, развешенные настоящим охотником.

– Не будь банальным. Будь конкретным.

– Ну как хочешь. Нетрудно догадаться, что Йеннифэр едет на Большой Сбор чародеев, назначенный на начало июля в Гарштанге на острове Танедд. Стремительно бежит и не пользуется магией, так что ее трудно засечь. Еще вчера она была в Элландере. Я высчитал, что через три-четыре дня доберется до города Горс Велен, от которого до Танедда один шаг. Направляясь в Горс Велен, она должна проехать через поселок Анхор. Отправившись немедленно, ты еще сможешь перехватить тех, кто едет за ней следом. А они едут.

– Надеюсь, – Геральт неприятно ухмыльнулся, – это не королевские агенты?

– Нет, – сказал «юрист», поигрывая металлической звездой. – Это не агенты. Но и не Риенс, который умнее тебя, потому что после драки с Мишеле затаился в какой-то дыре и не высовывает оттуда носа. Следом за Йеннифэр едут трое наемных убийц.

– Догадываюсь, ты их знаешь.

– Я всех знаю. И поэтому хочу предложить: оставь их в покое. Не ездь в Анхор. А я воспользуюсь имеющимися знакомствами и связями, напушу их на Риенса. Если удастся...

Он резко оборвал, сильно замахнулся. Металлическая звезда взвыла в воздухе и со звоном врезалась в лоб Кодрингера-сеньора, продырявив полотно и воткнувшись в стену почти до половины.

– Хорошо, а? – широко улыбнулся «юрист». – Эта штука называется орион. Заморское изобретение. Тренируюсь уже с месяц, попадаю без промаха. Может пригодиться. С тридцати шагов такая звездочка безотказна и смертоносна, а спрятать ее можно в перчатке либо за ленточкой шляпы. Уже год, как орионы поступили на вооружение нильфгаардских спецслужб. Ха-ха, если Риенс шпионит в пользу Нильфгаарда, то забавно будет, коли его найдут с орионом в виске! Что скажешь?

– Ничего. Это твои проблемы. Двести пятьдесят крон лежат у тебя в ящике.

– Ясно, – кивнул Кодрингер. – Твои слова означают, что мне предоставлена свобода действий. Помолчим минутку, Геральт. Почтим скорую кончину господина Риенса минутой молчания. Почему ты кривишься, черт побери? Не уважаешь величия смерти?

– Уважаю, и слишком сильно, чтобы спокойно выслушивать насмехающихся над ней идиотов. Ты когда-нибудь думал о собственной смерти?

«Юрист» тяжело раскашлялся, долго рассматривая платок, которым прикрывал рот. Потом поднял глаза.

– Конечно, – сказал он тихо. – Думал. И довольно интенсивно. Но тебе нет никакого дела до моих мыслей, ведьмак. Едешь в Анхор?

– Еду.

– Ральф Блюнден по прозвищу Профессор, Хеймо Кантор, Коротышка Йакса. Тебе о чем-нибудь говорят эти имена?

– Нет.

– Все трое прекрасно владеют мечом. Лучше Мишеле. Так что я посоветовал бы более верное, дальнобойное оружие. Например, нильфгаардские звездочки. Хочешь, продам несколько штук? У меня их много.

– Не куплю. Непрактично. Шумят в полете.

– Свист воздействует на психику. Парализует жертву страхом.

– Возможно. Но может и предостеречь. Я успел бы уклониться.

– Если бы видел, что в тебя кидают, конечно. Знаю, ты можешь уклониться от стрелы, пущенной из лука и даже из арбалета... Но сзади...

– Сзади тоже.

– Брехня.

– Пospорим, – холодно сказал Геральт. – Я повернусь лицом к портрету твоего папы-идиота, а ты брось в меня своим орионом. Попадешь – выиграл. Не попадешь – проиграл. Проиграешь – расшифруешь эльфы манускрипты. Меня интересует Дитя Старшей Крови. Добудешь информацию. В кредит.

– А если выиграю?

– Добудешь ту же информацию и покажешь Йеннифэр. Она заплатит. Ты внакладе не останешься.

Кодрингер открыл ящик и вынул второй орион.

– Рассчитываешь на то, что я не приму заклада, – отметил, а не спросил он.

– Нет, – усмехнулся ведьмак. – Уверен, что примешь.

– Рисковый ты парень. Забыл? Я не страдаю угрызениями совести.

– Не забыл. Ведь грядет Час Презрения, а ты идешь в ногу с прогрессом и духом времени. Я же принял близко к сердцу упреки относительно анахроничной наивности и на этот раз рискну не без надежды выиграть. Ну так как? Уговорились?

– Уговорились. – Кодрингер взял металлическую звезду за один из лучей и встал. – Любопытство всегда брало во мне верх над рассудком, не говоря уж о беспричинном милосердии. Отвернись.

Ведьмак отвернулся. Глянул на густо издырявленную физиономию на портрете и торчащий в ней орион. Потом прикрыл глаза.

Звезда взвыла и ударила в стену в четырех вершках от рамки.

– Черт побери! – вздохнул Кодрингер. – Даже не дрогнул. Ну и сукин сын!

– А чего ради было вздрагивать? Я слышал, что ты бросаешь так, чтобы промазать.

На постоялом дворе было пусто. В углу на лавке сидела молодая женщина с синяками вокруг глаз. Стыдливо отвернувшись, она грудью кормила ребенка. Широкоплечий парень, возможно, муж, дремал рядом, опершись спиной о стену. В тени за печью сидел еще кто-то, кого Аплегатт не мог различить в полумраке комнаты.

Хозяин поднял голову, увидел Аплегатта, заметил его одежду и бляху с гербом Аэдиерна на груди и моментально погрузился. Аплегатт привык к таким встречам. Он был королевским гонцом, а королевские декреты говорили ясно – гонец имеет право в каждом городе, в каждом селе, на каждом постоялом дворе и гостинице потребовать свежего коня, и беда тому, кто откажет. Ясное дело, гонец своего коня оставлял, а нового брал, оставив расписку – владелец мог обратиться к солтысу и получить компенсацию. Но с этим бывало разное. Поэтому на гонца всегда смотрели с неприязнью и опаской – потребует или не потребует? Заберет на погибель нашего Злотка? Нашу с рождения выкормленную Краську? Нашего вынянченного Воронка? Аплегатту уже доводилось видеть ревущих детишек, вцепившихся в оседланного, выводимого

из конюшни любимца и друга, не раз смотрел он в лица взрослых, побледневшие от несправедливости и чувства собственного бессилия.

– Свежего коня не надо, – сказал он быстро. Ему показалось, что хозяин облегченно вздохнул. – Я только перекушу, проголодался в дороге. Есть что в горшке?

– Малость похлебки осталось, сейчас подам, садитесь. Заночуете? Уже смеркается.

Аплегатт задумался. Два дня назад он повстречался с Гансомом, знакомым гонцом, и, выполняя приказ, они обменялись посланиями. Гансом взял письма и послание к королю Демавенду и отправился через Темерию и Махакам в Венгерберг. Аплегатт же, взяв почту для короля Визимира Реданского, поехал в сторону Оксенфурта и Третогора. Впереди было около трехсот верст.

– Поем и поеду, – решил он. – Полнолуние, а дорога ровная.

– Воля ваша.

Суп был жидковат и безвкусен, но гонец не придавал значения подобным пустякам. Смаковал он дома, женину кухню, а в пути ел, что на зуб попадало. Сейчас он медленно хлебал, неловко держа ложку огрубевшими от поводьев пальцами.

Дремавший на лежанке кот неожиданно поднял голову, зашипел.

– Королевский гонец?

Аплегатт вздрогнул. Вопрос задал человек, сидевший в тени. Теперь он вышел, подошел к гонцу. У него были белые как молоко волосы, стянутые на лбу кожаной повязкой. Черная куртка покрыта серебряными кнопками, высокие сапоги. Над правым плечом поблескивала сферическая головка перекинутого за спину меча.

– Куда путь держишь?

– Куда королевская воля пошлет, – холодно ответил Аплегатт. На подобные вопросы он никогда не отвечал иначе.

Беловолосый какое-то время молчал, внимательно глядя на гонца. У него было неестественно бледное лицо и странные темные глаза.

– Королевская воля, – сказал он наконец неприятным, слегка хриловатым голосом, – вероятно, велит тебе поспешить? Надо думать, тебе срочно в дорогу?

– А вам что до того? Кто вы такой, чтобы меня подгонять?

– Я – никто. – Белоголовый неприятно усмехнулся. – И не подгоняю тебя. Но на твоём месте я бы уехал поскорее. Не хочу, чтобы с тобой приключилось что-нибудь скверное.

На такие замечания Аплегатт тоже имел отработанный ответ. Короткий и четкий. Незадиристый и спокойный – но однозначно напоминающий, кому служит королевский гонец и что грозит тому, кто отважится тронуть гонца. Однако в голосе беловолосого было что-то такое, что удержало Аплегатта от привычного ответа.

– Надо дать лошади передохнуть, господин. Час, может, два.

– Понимаю, – кивнул белоголовый и поднял голову, как бы прислушиваясь к доходящим снаружи голосам. Аплегатт тоже прислушался, но услышал только сверчка.

– Ну что ж, отдыхай. – Белоголовый поправил ремень, наискось пересекающий грудь. – Только во двор не выходи. Что бы ни случилось, не выходи.

Аплегатт воздержался от вопросов. Он инстинктивно почувствовал, что так будет лучше. Наклонился к тарелке и возобновил поиски немногочисленных плавающих в супе шкварок. Когда поднял голову, белоголового в комнате уже не было.

Спустя две минуты заржала лошадь, стукнули копыта.

В комнату вошли трое мужчин. Увидев их, корчмарь принялся быстрее протирать кубки. Женщина с младенцем пододвинулась ближе к дремлющему мужу, разбудила его тычком локтя. Аплегатт подтянул к себе табурет, на котором лежали его пояс и корд.

Мужчины подошли к стойке, быстрыми оценивающими взглядами окинули гостей. Шли они медленно, позвякивая шпорами и оружием.

– Приветствую, милостивые государи, – откашлялся корчмарь. – Чего желаете?

– Водки, – сказал один, высокий и кряжистый, с длинными, как у обезьяны, руками, вооруженный двумя зерриканскими саблями, ремни которых крест-накрест пересекали грудь. – Хлебнешь, Профессор?

– Вполне позитивно, – согласился второй, поправляя сидящие на крючковатом носу очки из шлифованного голубоватого горного хрусталя в золотой оправе. – Если отправка не подпорчена какими-нито инградиенциями.

Корчмарь налил. Аплегатт заметил, что руки у него слегка дрожат. Мужчины прислонились спинами к стойке и не спеша потягивали из глиняных чарок.

– Великомиловидный сударь хозяин, – вдруг проговорил очкастый. – Полагаю не без резону, здесь недавно тому проезжали две дамы, интенсивно следующие в направлении Горс Велена.

– Тут много кто проезжает, – проворчал хозяин.

– Инкриминированных дам, – медленно продолжил очкастый, – ты не мог бы не квалифицировать. Одна из них черноволоса и сверхординарно красива. Ехала на вороном жеребце. Вторая, помоложе, светловолосая и зеленоглазая, вояжирует на серой в яблоках кобыле. Были здесь таковые вышепоименованные?

– Нет, – опередил корчмаря Аплегатт, неожиданно почувствовавший холод спиной. – Не были.

Опасность с серыми перьями. Горячий песок...

– Гонец?

Аплегатт кивнул.

– Откуда и куда?

– Откуда и куда королевская воля пошлет.

– Да, которыми я интересовался, акцидентально не бы-ло ль?

– Нет.

– Что-то больно прытко ты отрицаешь, – буркнул третий, высокий и худой как жердь. Волосы у него были черные и блестящие, словно намазаны жиром. – А мне не показалось, чтобы ты очень-то уж напрягал память.

– Перестань, Хеймо, – махнул рукой очкарик. – Это гонец. Не причиняй служивому сложностей. Как поименовывается сей пункт, хозяин?

– Анхор.

– До Горс Велена велика ли дистанция?

– Чего?

– Верст, говорю, сколько?

– Я верст не мерял. Но дня три езды будет...

– Верхом?

– На телеге.

– Эй! – вдруг вполголоса проговорил кряжистый, выпрямляясь и выглядывая во двор сквозь настежь распахнутые двери. – Глянь-ка, Профессор. Это кто такой? Уж не...

Очкарик тоже глянул во двор, и лицо у него неожиданно сморщилось.

– Да, – прошипел он. – Позитивно он. Однако посчастливилось нам.

– Погодим, пока войдет.

– Он не войдет. Он видел наших лошадей.

– Знает, кто мы...

– Заткнись, Йакса. Он что-то говорит.

– Предлагаю на выбор, – донесся со двора хрипловатый, но громкий голос, который Аплегатт узнал сразу же. – Один из вас выйдет и скажет мне, кто вас нанял. Тогда уедете отсюда без помех. Либо выйдете все трое. Я жду.

– Сукин сын, – буркнул черноволосый. – Знает. Что делать будем?

Очкарик медленно отставил чарку.

– То, за что нам заплатили.

Он поплевал на ладонь, пошевелил пальцами и вытащил меч. Увидев это, двое других тоже обнажили клинки. Хозяин раскрыл рот, чтобы крикнуть, но тут же захлопнул его под холодным взглядом из-под голубых очков.

– Всем сидеть, – прошипел очкарик. – И ни звука. Хеймо, как только он начнет, постарайся зайти ему сзади. Ну, парни, с Богом. Выходим.

Началось сразу же, как только они вышли. Удары, топот, звон оружия. Потом крик, от которого волосы встают дыбом.

Хозяин побледнел, женщина с синими обводами вокруг глаз глухо крикнула, обеими руками прижала младенца к груди. Кот на лежанке вскочил, выгнув спину, встопорщил щеткой хвост. Аплегатт быстро втиснулся со стулом в угол. Корд он держал на коленях, но из ножен не вынимал.

Со двора снова донесся топот ног, свист и звон клинков.

– Ах ты... – дико крикнул кто-то, и в этом крике, хоть и закончившемся грубым ругательством, было больше отчаяния, чем ярости. – Ты...

Свист клинка. И тут же высокий, пронзительный визг, который, казалось, разрывает воздух на клочки. Грохот, словно на доски рухнул тяжелый мешок с зерном. Со стороны коновязи стук копыт, ржание напуганных лошадей.

На досках снова удары, тяжелые, быстрые шаги бегущего человека. Женщина с ребенком прижалась к мужу, хозяин уперся спиной в стену. Аплегатт достал корд, все еще пряча оружие под столешницей. Бегущий человек направлялся прямо в комнату. Но прежде чем он оказался в дверях, просвистел клинок.

Человек вскрикнул и тут же ввалился в комнату. Казалось, он упадет на пороге, но нет, не упал. Медленно сделал несколько неуверенных шагов и только потом тяжело рухнул на середину комнаты, подняв пыль, накопившуюся в щелях пола. Обмякнув, он повалился лицом вниз, прижал руки и согнул ноги в коленях. Хрустальные очки со звоном упали на доски, превратившись в голубую кашу. Под неподвижным телом начала растекаться темная, поблескивающая лужа.

Никто не шелохнулся. Не издал ни звука.

В комнату вошел белоголовый.

Меч, который он до того держал в руке, он ловко сунул в ножны за спиной. Подошел к стойке, даже взглядом не удостоив лежащий на полу труп. Хозяин съежился.

– Паршивые люди... – хрипло сказал белоголовый. – Паршивые люди умерли. Когда придет судебный пристав, может оказаться, что за их головы назначена награда. Пусть поступит с ней, как сочтет нужным.

Хозяин усердно закивал.

– Может также случиться, – минуту спустя продолжил белоголовый, – что о судьбе этих паршивцев тебя станут спрашивать их дружки либо товарищи. Этим скажешь, что их покусал Волк. И добавь, чтобы почаще оглядывались. Однажды, оглянувшись, они увидят Волка.

Когда три дня спустя Аплегатт добрался до ворот Третогора, было уже далеко за полночь. Он обозлился, потому что проторчал перед рвом и надорвал себе горло – стражники спали мертвецким сном и долго не открывали ворот. Чтобы полегчало, он принялся проклинать их аж до третьего колена. Потом с удовольствием слушал, как разбуженный начальник вахты пополняет его упреки новыми красочными деталями и пожеланиями в адрес кнехтовых матерей, бабок и прабабок. Разумеется, о том, чтобы ночью попасть к королю Визимиру, нечего было и мечтать. Впрочем, это оказалось Аплегатту только на руку – он рассчитывал проспать до зари, до утреннего колокола, но ошибся. Вместо того чтобы указать гонцу место для отдыха, его без проволочек проводили в кордегардию. В комнате ожидал не ипат, а другой человек, толстый и заносчивый – Дийкстра, доверенное лицо короля Редании. Дийкстра – гонец знал об этом – был уполномочен выслушивать сведения, предназначенные исключительно королю. Аплегатт вручил ему письма.

– Устное послание есть?

– Есть, милостивый государь.

– Выкладывай.

– «Демавенд – Визимиру, – выложил Аплегатт, прищуриваясь. – Первое: ряженые будут готовы во вторую ночь после июльского новолуния. Присмотри, чтобы Фольтест не подвел. Второе: Сбор Мудрил на Танедде я личным присутствием не почту и тебе не советую. Третье: Львенок мертв».

Дийкстра слегка поморщился, побарабанил пальцами по стеклу.

– Вот письма королю Демавенду. А устное послание... Слушай хорошо, запомни точно. Передашь своему королю слово в слово. Только ему. Никому больше. Никому, понял?

– Понял, милостивый государь.

– Сообщение такое: «Визимир – Демавенду. Ряженных остановить обязательно. Кто-то предал. Пламя собрал армию в Доль Ангре и ждет предлога». Повтори.

Аплегатт повторил.

– Хорошо, – кивнул Дийкстра. – Отправишься, как только взойдет солнце.

– Я пять дней в седле, милостивый государь. – Гонец потер ягоды. – Поспать хотя бы до полудня... Позвольте?

– А твой король Демавенд сейчас спит по ночам? А я сплю? За один только этот вопрос, парень, тебе следовало бы дать по морде. Перекусишь, потом немного передохнешь на сене. А на заре отправишься. Я велел дать тебе породистого жеребца, увидишь, скачет как вихрь. И не криви рожу. Возьми еще мешочек с экстрапемией, чтобы не болтал, мол, Визимир скупердяй.

– Премного благодарен.

– В лесах под Понтаром будь внимателен. Там видели «белок». Да и обычных разбойников в тех краях хватает.

– Ну, это-то я знаю, милостивый государь. Знаете, что я видел три дня тому...

– И что ж ты видел?

Аплегатт быстро пересказал события в Анхоре. Дийкстра слушал, скрестив на груди огромные ручки.

– Профессор... – задумчиво сказал он. – Хеймо Кантор и Коротышка Йакса. Убиты ведьмаком. В Анхоре, на тракте, ведущем в Горс Велен, то есть в Танедд, к Гарштангу... А Львенок мертв?

– Что вы сказали, господин?

– Ничего. – Дийкстра поднял голову. – Во всяком случае, не тебе. Отдыхай. А на заре – в путь.

Аплегатт съел, что подали, полежал немного, от усталости даже не смежив глаз, и перед рассветом уже был за воротами. Жеребчик действительно оказался хорош, но норовист. Аплегатт не любил таких коней.

Спина между левой лопаткой и позвоночником дико чесалась, не иначе блоха укусила, пока дремал в конюшне. А почесать не было никакой возможности.

Жеребчик заплясал, заржал. Гонец дал ему шпорой и послал в галоп.

Время торопило.

– Ga'ean, – прошипел Каирбр, выглядывая из ветвей дерева, с которого наблюдал за большаком. – En Dh'oine evall a straede!

Торувель поднялась с земли, схватила пояс с мечом, препоясалась и носком ботинка ткнула в бедро Яевинна, который дремал рядом, в яме из-под вывороченного дерева. Эльф вскочил, зашипел, обжегшись о горячий песок, на который оперся рукой.

– Que suess's?

– Конник на дороге.

– Один? – Яевинн поднял лук и колчан. – Эй, Каирбр, всего один?

– Один. Подъезжает.

– Прикончим. Одним Dh'oine меньше.

– Успокойся, – схватила его за рукав Торувель. – Зачем? Наше дело разведать – и к бригаде. Зачем убивать штатских на дорогах? Разве так борются за свободу?

– Именно так. Отодвинься.

– Если на дороге останется труп, первый же патруль поднимет шум. Армия начнет охоту. Прикроют броды, нам будет сложнее перейти на другой берег!

– Здесь мало кто ездит. Пока труп обнаружат, мы будем далеко.

– Верховой тоже уже далеко, – бросил с дерева Каирбр. – Надо было не трепаться, а стрелять. Теперь не достанешь. Тут добрых двести шагов.

– Из моей-то шестидесятифунтовки? – Яевинн погладил лук. – Тридцатидюймовой флейтой? К тому же тут не двести шагов. Самое большее – сто пятьдесят. *Mire, que spar aep'kee.*

– Перестань, Яевинн...

– *Thaess aep, Toruviel.*

Эльф повернул шапку так, чтобы ему не мешал прикрепленный к ней беличий хвост, быстро и сильно, до уха, натянул тетиву, прицелился и выстрелил.

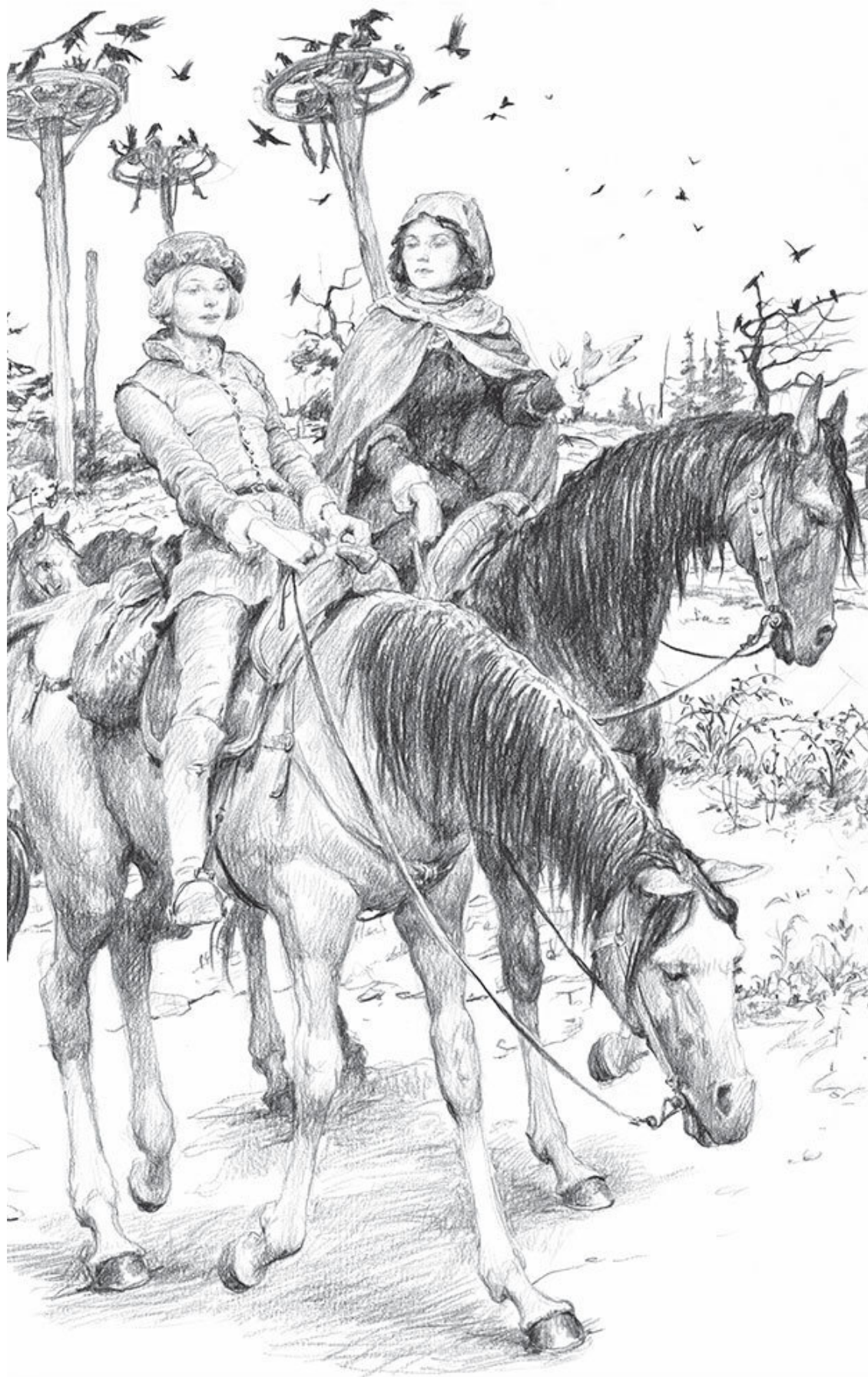
Аплегатт ничего не услышал. Это была стрела с желобком вдоль стержня для увеличения жесткости и уменьшения веса, специально снабженная длинными узкими серыми перьями. Тройной острый как бритва наконечник врезался гонцу в спину между лопаткой и позвонником. Острия были расположены под углом – вонзаясь в тело, наконечник повернулся словно винт, рассекая мышцы, разрывая кровеносные сосуды, круша кости. Аплегатт повалился грудью на шею коня и сполз на землю, словно мешок шерсти.

Песок на дороге был горяч, раскален солнцем так, что от него шел пар. Но гонец этого уже не почувствовал. Он умер мгновенно.

Сказать, что я ее знал, было бы преувеличением. Думаю, кроме ведьмака и чародейки, никто ее не знал по-настоящему. Когда я увидел ее впервые, она не произвела на меня особого впечатления, даже несмотря на довольно необычные сопутствующие обстоятельства. Я знавал людей, утверждавших, будто сразу, с первой же встречи они ощущали дыхание смерти, исходящее от этой девочки. Мне она показалась совершенно обыкновенной, хотя я и знал, что обыкновенной-то она как раз и не была, – поэтому я настойчиво пытался усмотреть, обнаружить, почувствовать в ней необычность. Но ничего не заметил и ничего не почувствовал. Ничего, что могло стать сигналом, предчувствием либо предвестником позднейших трагических событий. Причиной которых была она. И тех, которые вызвала сама.

Люттик

«Полвека поэзии»

Глава вторая

У самого развилка, там, где кончался лес, были вкопаны в землю девять столбов. К вершине каждого прибито колесо от телеги. Над колесами кружило воронье, расклеывая и терзая трупы, привязанные к обручам и спицам. Столбы были слишком высокими, да и птицы все время заслоняли разлагающиеся на колесах останки, так что догадаться, кем были казненные, Йеннифэр и Цири не могли.

Ветер принес тошнотворный запах тления. Цири отвернулась и с отвращением поморщилась.

– Изумительная декорация. – Йеннифэр наклонилась в седле и сплюнула, забыв, что совсем недавно отругала Цири за подобный плевок. – Живописная и ароматная. Но почему здесь, на опушке леса? Обычно такие штуки устанавливают сразу за городскими стенами. Верно, добрые люди?

– Это «белки», благороднейшая госпожа, – поспешил пояснить, сдерживая запряженную в двуколку пегую лошаденку, один из бродячих торговцев, которых они догнали на развилке. – Эльфы на столбах-то. Потому и столбы в лесу стоят. Другим «белкам» на упреждение.

– Выходит, – взглянула на него чародейка, – взятых живьем скоя'таэлей привозят сюда...

– Эльфа, милсдарыня, – прервал торговец, – редко удается взять живьем. А ежели даже кого воины схватят, то в город везут, где оседлые нелюди обретаются. Когда они казнь на рынке посмотрят, у них сразу отпадает охота с «белками» якшаться. А когда в бою таких эльфов убивают, то трупы свозят на развилки и вешают на столбах. Порой издалека возят, совсем уж померших...

– Подумать только, – буркнула Йеннифэр, – а нам запрещают заниматься некромантией из уважения к величию смерти и бренности останков, коим полагаются покой, почести и церемониальные погребения...

– Что вы сказали, госпожа?

– Ничего. Поехали побыстрее, Цири, как можно дальше от этого места. Тьфу, у меня такое ощущение, будто я вся пропиталась вонью.

– Я тоже, ой-ей-ей, – сказала Цири, рысью объезжая двуколку торговца. – Поедем галопом, хорошо?

– Хорошо... Но не сумасшедшим же!

Вскоре показался город, огромный, окруженный стенами, утыканный башнями с островерхими блестящими крышами. А за городом в лучах утреннего солнца искрилось море, сине-зеленое, усеянное белыми пятнышками парусов. Цири осадила коня на краю песчаного обрыва, приподнялась в стременах, жадно втянула носом ароматный морской воздух.

– Горс Велен, – сказала Йеннифэр, подъезжая и останавливаясь рядом. – Вот и добрались. Возвращаемся на большак.

На большаке снова пошли легким галопом, оставив позади несколько воловьих упряжек и пешеходов, нагруженных вязанками хвороста и дров. Когда опередили всех и остались одни, чародейка остановилась и жестом сдержала Цири.

– Подъезжай поближе, – сказала она. – Еще ближе. Возьми поводья и веди моего коня. Мне нужны обе руки.

– Зачем?

– Возьми поводья.

Йеннифэр вынула из вьюка серебряное зеркальце, протерла, тихо проговорила заклинание. Зеркальце выскользнуло у нее из руки, поднялось и повисло над конской шеей, точно напротив лица чародейки. Цири удивленно вздохнула, облизнула губы.

Чародейка извлекла из вьюка гребень, сняла берет и несколько минут энергично расчесывала волосы. Цири молчала. Она знала, что во время этой процедуры Йеннифэр нельзя мешать или расспрашивать. Живописный и на первый взгляд неряшливый беспорядок ее крутых буйных локонов возникал в результате долгих стараний и немалых усилий.

Чародейка снова полезла во вьюк. Вдела в уши бриллиантовые серьги, а на запястьях защелкнула браслеты. Сняла шаль, расстегнула блузку, обнажая шею. Стала видна черная бархотка, украшенная обсидиановой звездой.

– Да! – не выдержала наконец Цири. – Я знаю, зачем ты это делаешь! Хочешь хорошо выглядеть, потому что едем в город! Угадала?

– Угадала.

– А я?

– Что – ты?

– Тоже хочу хорошо выглядеть! Я причешусь...

– Надень берет, – резко бросила Йеннифэр, по-прежнему вглядываясь в висящее над ушами лошади зеркальце. – На то самое место, где он был. И убери под него волосы.

Цири недовольно фыркнула, но послушалась тотчас. Она уже давно научилась различать оттенки голоса чародейки. Знала, когда можно поспорить, а когда нет.

Йеннифэр, уложив наконец локоны на лбу, достала из вьюка маленькую баночку зеленого стекла.

– Цири, – сказала она уже мягче. – Мы путешествуем тайно. А поездка еще не кончилась. Поэтому ты должна прятать волосы под беретом. Во всех городских воротах есть люди, которым платят за точные и незаметные наблюдения за путешественниками. Понимаешь?

– Нет, – нахально ответила Цири, натягивая поводья вороного жеребца чародейки. – Ты стала такой красивой, что у всех, кто выглянет из ворот, глаза на лоб повылазят! Тоже мне – скрытность!

– Город, к воротам которого мы направляемся, – усмехнулась Йеннифэр, – называется Горс Велен. Мне в Горс Велене таиться не надо, совсем, я бы сказала, наоборот. С тобой дело другое. Тебя никто не должен запомнить.

– Кто будет смотреть на тебя, запомнит и меня!

Чародейка раскрыла баночку, из которой повеяло сиренью и крыжовником. Взяв на указательный палец немного содержимого, втерла себе под глаза чуточку мази, потом сказала, все еще загадочно улыбаясь:

– Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь вообще обратил на тебя внимание.

Перед подъемным мостом стояла длинная колонна наездников и телег, у ворот толпились пешие, ожидающие своей очереди на досмотр. Цири ахнула, раздраженная перспективой долгого ожидания. Однако Йеннифэр выпрямилась в седле и направилась рысью, глядя поверх голов страждущих, а те быстро расступились, давая ей место и почтительно кланяясь. Стражники в длинных кольчугах сразу же заметили чародейку и освободили ей проход, не жалея древков копий, которыми подгоняли упрямых или слишком медлительных.

– Сюда, сюда, милостивая государыня! – крикнул один из стражников, таращась на Йеннифэр и бледнея. – Въезжайте здесь, прошу вас! А ну расступись! Расступись, хамы!

Спешно вызванный начальник вахты выглянул из кордегардии, хмурый и злой, но, увидев Йеннифэр, покраснел, широко раскрыл глаза и рот и согнулся в низком поклоне.

– Покорно приветствую в Горс Велене, милостивая государыня, – пробормотал он, выпрямляясь и еще больше выпучивая глаза. – Я в твоём распоряжении... Могу ли чем-то услужить? Эскорт? Провожатый? Может, вызвать кого?

– Не требуется. – Йеннифэр выпрямилась в седле, глянула на него сверху. – Я пробуду в городе недолго. Еду на Танедд.

– Конечно, конечно... – Вояка переступил с ноги на ногу, не отрывая глаз от лица чародейки. Остальные стражники следовали примеру начальника. Цири гордо задрала голову, но тут же увидела, что на нее вообще никто не смотрит. Так, словно ее и вовсе не существует.

– Конечно, – повторил командир стражи. – На Танедд, да... На Сбор, конечно. А как же. В таком случае желаю...

– Благодарю. – Чародейка тронула коня, определенно не интересуясь, чего хотел пожелать ей командир. Цири потрусилась следом. Стражники кланялись проезжающей Йеннифэр, не удостоивая девочку хотя бы взглядом.

– Даже имени твоего не спросили, – буркнула она, догоняя Йеннифэр и ловко объезжая пробитые в грязи колеи. – И куда едем – тоже! Ты их заколдовала?

– Не их. Себя. – Чародейка повернулась, и Цири громко ахнула. Глаза Йеннифэр горели фиолетовым огнем, а лицо пылало красотой. Слепящей. Вызывающей. Грозной. И неестественной.

– Зеленая баночка! – сразу догадалась Цири. – Что там было?

– Гламария. Эликсир, точнее, мазь для особых случаев. Послушай, тебе обязательно надо лезть в каждую лужу на дороге?

– Хочу ополоснуть лошади бабки!

– Дождя не было целый месяц. Это не вода, а помой и конская моча.

– А-а... Скажи, зачем тебе понадобился эликсир? Так уж важно было...

– Это Горс Велен, – прервала Йеннифэр. – Город, который своим благополучием в значительной степени обязан чародеям. Ты сама видела, как тут относятся к чародейкам. А мне не хотелось ни представляться, ни доказывать, кто я такая. Предпочитаю, чтобы это было ясно с первого взгляда. Вон за тем красным домом свернем влево. Шагом, Цири, сдерживай лошадь, еще собьешь какого-нибудь ребенка.

– А зачем мы сюда приехали?

– Я тебе уже говорила.

Цири фыркнула, поджала губы, сильно ткнула лошадь пяткой. Кобыла заплясала, чуть не наскочив на проезжающую мимо телегу. Возница привстал на козлах и собирался покрыть ее цветистой фурманской вязью, но, увидев Йеннифэр, быстро сел и принялся внимательно изучать состояние собственных башмаков.

– Еще один такой фортель, – процедила Йеннифэр, – и мы повздорим. Ты ведешь себя как юная коза. Мне стыдно за тебя.

– Ты намерена отдать меня в какую-то школу, да? Я не хочу!

– Тише. Люди смотрят.

– На тебя смотрят, не на меня! Не хочу я ни в какую школу! Ты обещала, что всегда будешь со мной, а теперь собираешься бросить! Одну. Я не хочу быть одна!

– И не будешь. В школе много девочек твоего возраста. Заведешь подружек.

– Не нужны мне подружки. Я хочу быть с тобой и с... Я думала, что...

Йеннифэр быстро обернулась.

– Что ты думала?

– Что мы едем к Геральту, – вызывающе подняла голову Цири. – Я прекрасно знаю, о чем ты думала всю дорогу. И почему вздыхала ночью.

– Довольно, – прошипела чародейка, а блеск ее горящих глаз заставил Цири вжаться лицом в гриву лошади. – Слишком уж ты разговорилась. Напоминаю: время, когда ты могла возражать, ушло. И случилось это по твоей собственной воле. Теперь ты должна слушаться. И делать то, что я прикажу. Поняла?

Цири кивнула.

– Да, что прикажу. И это будет для тебя лучше всего. Всегда. Поэтому ты будешь слушаться меня и выполнять все мои распоряжения, ясно? Останови лошадь. Мы на месте.

– Это школа? – буркнула Цири, окидывая взглядом внушительный фасад дома. – Это уже...

– Ни слова больше. Слезай. И веди себя как положено. Это не школа, школа находится в Аретузе, а не в Горс Велене. Это банк.

– Зачем нам банк?

– Подумай. Слезай, я сказала. Да не в лужу! Оставь лошадь, для этого есть слуги, сними перчатки. В банк в перчатках для езды не входят. Взгляни на меня. Поправь берет. Выровняй воротничок. Выпрямись. Не знаешь, что делать с руками? Так не делай ничего!

Цири вздохнула.

Высыпавшие из здания служащие были краснолюдами. Цири внимательно приглядывалась к ним. Такие же невысокие и бородатые крепыши, они тем не менее ничем не походили на ее друга Ярпена Зигрина и его ребят. Служащие были какие-то безликие, одинаково одетые, никакие. И раболепные, чего об Ярпене и его ребятах сказать было никак нельзя.

Йеннифэр и Цири вошли. Магический эликсир чародейки продолжал действовать, поэтому появление Йеннифэр тут же вызвало великое возбуждение, беготню, поклоны, дальнейшие раболепные и покорные пожелания и заверения в готовности услужить, конец чему положило лишь появление невероятно толстого, богато одетого белобородого краснолюда.

– Уважаемая Йеннифэр! – загудел краснолюд, позвякивая золотой цепью, свисавшей с могучей шеи значительно ниже белой бороды. – Какая неожиданность! И какая честь! Прошу, прошу в контору! А вы там, не стоять, не глазеть! За работу! К счетам! Абакам! Вильфли, немедленно в контору бутылку Капель де Нефа, года... Ну сам знаешь какого. Живо, одна нога тут, другая там! Изволь, изволь. Йеннифэр, истинное удовольствие видеть тебя. Ты смотришься... Ах, черт возьми, аж дух захватывает!

– Ты тоже, – улыбнулась чародейка, – недурственно держишься, Джианкарди.

– Надеюсь. Прошу, прошу ко мне в контору. Ах нет, нет, как можно, вы первыми. Ты же знаешь дорогу, Йеннифэр.

В конторе было темновато и приятно прохладно, в воздухе стоял аромат, который Цири помнила по башне писаря Ярре, – запах чернил, пергамента и пыли, покрывавшей дубовую мебель, гобелены и старые книги.

– Прошу вас, присаживайтесь. – Банкир отодвинул от стола тяжелое кресло для Йеннифэр, окинул Цири внимательным взглядом. – Хмм...

– Дай ей какую-нибудь книгу, Мольнар, – небрежно бросила чародейка, заметив его взгляд. – Она обожает книги. Сядет в конце стола и не будет нам мешать. Верно, Цири?

Цири не сочла нужным подтверждать.

– Книгу, хм, – обеспокоился краснолюд, подходя к шкафу. – Что у нас тут есть? Вот книга прихода и расхода... Нет, не то. Пошлины и торговые оплаты... Тоже нет. Кредит и рембурс? Нет? О, а это как сюда попало? Черт его знает... Но, пожалуй, это будет в самый раз. Пожалуйста, девочка.

Книга называлась «Physiologus» и была очень старой и очень потрепанной. Цири осторожно перевернула обложку и несколько страниц. Фолиант заинтересовал ее сразу же, потому что повествовал о таинственных чудовищах и бестиях и был полон гравюр. Несколько следующих минут она старалась делить интерес между книгой и беседой чародейки с банкиром.

– Есть какие-нибудь письма, Мольнар?

– Нет. – Банкир налил вина Йеннифэр и себе. – Ни одного нового. Последнее поступило месяц назад. Я переслал тебе условленным образом.

– Я получила. Благодарю. А случайно... кто-нибудь этими письмами не интересовался?

– Здесь – нет, – улыбнулся Мольнар Джианкарди. – Но ты точно выбрала мишень, дорогая моя. Банк Вивальди доверительно информировал меня, что письма пытались выследить.

Кроме того, их филиал в Венгерберге выявил попытку проследить операции на твоём личном счете. Один из работников оказался нелояльным...

Банкир осекся, глянул на чародейку из-под кустистых бровей. Цири прислушалась. Йеннифэр молчала, поигрывая обсидиановой звездой.

– Вивальди, – понизил голос Джианкарди, – не мог либо не хотел вести следствие. Нелояльный и скорый на подкуп служащий по пьянке свалился в канаву и захлебнулся. Несчастный случай. Жаль. Слишком быстро, слишком неосмотрительно...

– Потеря невелика, а сожаление кратко, – надула губы чародейка. – Я знаю, кого интересуют мои письма и счета, следствие у Вивальди не дало бы ничего нового.

– Коли ты так считаешь... – Джианкарди почесал бороду. – Едешь на Танедд? На Большой Сбор чародеев?

– Именно.

– Решать судьбы мира?

– Зачем преувеличивать?

– Всякие слухи ходят, – сухо проговорил банкир. – И всякое творится.

– Например, если не секрет?

– С прошлого года, – сказал Джианкарди, поглаживая бороду, – наблюдаются удивительные сдвиги в налоговой политике... Знаю, тебя это не интересует...

– Говори.

– Двойной размер подушного налога и налога на зимний постой, а также налога, который берут непосредственно армейские власти. Все купцы и предприниматели должны дополнительно платить в королевскую казну «десятый грош», совершенно новый налог, один грош от каждого нобеля оборота. Краснолюды, гномы, эльфы и низушки, кроме того, платят повышенную подушную и подымную пошлины, а ежели ведут торговую либо производственную деятельность, то сверх того еще облагаются обязательной нелюдской «дарственной» податью, составляющей десять со ста. Таким образом, я отчисляю в казну больше шестидесяти процентов дохода. Мой банк, включая филиалы, дает Четырем Королевствам шестьсот гривен в год. К твоему сведению, это почти в три раза больше, чем богатый герцог или граф платит кварталы в королевскую казну.

– А люди дарственной на армию не облагаются?

– Нет. Платят только подушные и постоянные.

– Получается, – покачала головой чародейка, – что краснолюды и другие нелюди финансируют проводящуюся в лесах кампанию против скоя'таэлей. Я ожидала чего-нибудь подобного. Но, прости, что общего у налогов со Сбором на Танедде?

– После ваших сборов всегда что-то происходит, – буркнул банкир. – Впрочем, надеюсь, на этот раз ничего страшного не случится, а наоборот – вдруг да прекратятся эти странные скачки цен. Был бы очень рад.

– Поясни.

Джианкарди раскинулся в кресле и сплел руки на прикрытом бородой животе.

– Я занимаюсь своим ремеслом немало лет. Достаточно долго, чтобы научиться увязывать некоторые движения цен с определенными фактами. Последнее время сильно подскочили цены на драгоценные камни. На них повысился спрос.

– Обменивают наличные на драгоценности, чтобы избежать потерь на колебаниях курса и паритета монет?

– И это тоже. Кроме того, у камней еще одно огромное преимущество: лежащий в кармане кошелек с несколькими унциями бриллиантов равняется по стоимости примерно пятидесяти гривнам, а такая сумма в монетах весит двадцать пять фунтов и требует солидного мешка. С кошельком в кармане можно бежать гораздо быстрее, чем с мешком на плечах. Да и

обе руки свободны, что тоже немаловажно. Одной рукой можно держать жену, а второй, если потребуется, – кое-кому и тумака отвесить.

Цири негромко фыркнула, но Йеннифэр тут же успокоила ее грозным взглядом.

– Значит, – подняла она голову, – есть такие, кто уже заранее готовится к бегству. Интересно куда?

– Больше всего ценится дальний Север. Хенгфорс, Ковир, Повисс. Во-первых, потому что это действительно далеко, во-вторых, эти государства нейтральны и у них хорошие отношения с Нильфгаардом.

– Понимаю. – Ехидная ухмылка не сходила с уст чародейки. – Итак, бриллианты в карман, жену за руку – и на Север... Не рановато ли? Впрочем, Бог с ними. Что еще дорожает, Мольнар?

– Лодки.

– Что-что?

– Лодки, – ослабившись, повторил банкир. – Все корабли с побережья строят лодки, заказанные квартирмейстерством короля Фольтеста. Квартирмейстеры платят хорошо и постоянно делают заказы. Если у тебя есть свободный капитал, Йеннифэр, вложи в лодки. Золотое дело. Изготавливаешь челн из камыша и коры, выставляешь счет на баркас из первосортной сосны, выручкой делишься с квартирмейстером...

– Не дури, Джианкарди! Говори, в чем дело.

– Лодки, – неохотно сказал банкир, глядя в бревенчатый потолок, – транспортируют на юг, к Яруге, в Содден и Бругге. Но, насколько мне известно, их используют не для ловли рыбы, а прячут в лесах вдоль правого берега. Солдаты вроде бы часами тренируются садиться в них и вылезать. Пока – на суше.

– Ага. – Йеннифэр закусила губу. – Но почему некоторые так спешат на север? Яруга-то на юге.

– Существует обоснованное опасение, – буркнул банкир, поглядывая на Цири, – что император Эмгыр вар Эмрейс не будет в восторге, узнав, что упомянутые лодки спущены на воду. Некоторые полагают, что такое действие может Эмгыра разозлить, и тогда лучше быть как можно дальше от нильфгаардских границ... Черт, хотя бы до жатвы. Ежели жатва будет позади, вздохну с облегчением. Если чему быть, это случится до жатвы.

– Урожай будет в амбарах, – медленно проговорила Йеннифэр.

– Верно. Коней трудно пасти на стерне, а крепости с полными амбарами придется осаждать долго... Погода благоприятствует земледельцам, и урожай обещает быть недурным... Да, погода исключительно хороша. Солнышко припекает, ждет не дожждется дождя... А Яруга в Доль Ангре очень мелка... Ее легко перейти. В обе стороны.

– Почему Доль Ангра?

– Надеюсь, – банкир погладил бороду, сверля чародейку острым взглядом, – тебе можно доверять?

– Как всегда, Джианкарди. Ничего не изменилось.

– Доль Ангра, – медленно проговорил банкир, – это Лирия и Аэдирн, у которых военный союз с Темерией. Уж не думаешь ли ты, что Фольтест покупает лодки для себя?

– Нет, – протянула чародейка. – Не думаю. Благодарю за информацию, Мольнар. Как знать, возможно, ты и прав. Может, на Сборе нам удастся повлиять на судьбы мира и населяющих его людей?

– Не забудьте о краснолюдах, – сказал Джианкарди, – и их банках.

– Постараемся. Кстати, коли уж мы об этом заговорили...

– Внимательно слушаю.

– У меня были расходы, Мольнар. А если я сниму со счета у Вивальди, опять кто-нибудь попробует утопиться, так что...

– Йеннифэр, – прервал краснолюду, – ты у меня пользуешься неограниченным кредитом. Погром в Венгерберге случился очень давно. Возможно, ты забыла, но я не забуду никогда. Никто из семейства Жианкарди не забудет. Сколько тебе нужно?

– Тысячу пятьсот темерских орен с переводом на филиал Чианфанелли в Элландере на адрес храма Мелитэле.

– Принято. Приятный перевод – взносы в пользу храмов не облагаются налогами. Что еще?

– Сколько сейчас платят за обучение в школе в Аретузе?

Цири прислушалась.

– Тысячу двести новиградских крон, – сказал Жианкарди. – Для учениц не жалеют ничего, живут в Аретузе как принцессы. А ими кормится половина города – портные, сапожники, кондитеры, поставщики...

– Знаю. Внеси две тысячи на счет школы. Анонимно. С указанием, что это за зачисление и задаток за обучение. Одной ученицы.

Жианкарди отложил перо, взглянул на Цири, понимающе улыбнулся. Цири, сделав вид, будто изучает книгу, внимательно слушала.

– Все, Йеннифэр?

– Еще триста новиградских крон для меня. Наличными. Для Сбора на Танедде мне потребуются по меньшей мере три платья.

– Зачем тебе наличные? Дам банковский чек. На пятьсот. Импортные ткани тоже чертовски подорожали, а ведь ты не станешь надевать шерсть или лен. И если что-либо потребуется тебе или ученице в Аретузе, мои склады и магазины в твоём распоряжении.

– Благодарю. На какой процент договоримся?

– Проценты, – поднял голову краснолюд, – ты заплатила семье Жианкарди авансом, Йеннифэр. Во время погрома в Венгерберге. Не будем об этом.

– Не люблю таких долгов, Мольнар.

– Я тоже. Но я – купец, краснолюд дела. Я знаю, что такое обязательность. Знаю ей цену. Повторяю: не будем больше об этом. Со всем, о чем ты просила, покончено. О чем не просила – тоже.

Йеннифэр подняла брови.

– Некий близкий тебе ведьмак, – хохотнул Жианкарди, – недавно посетил городок Дорьян. Мне донесли, что он там задолжал ростовщику сто крон. Ростовщик работает на меня. Я покрою этот долг, Йеннифэр.

Чародейка кинула взгляд на Цири, сильно поморщилась.

– Мольнар. Не суй пальцы в дверь, в которой испортились петли. Сомневаюсь, чтобы он все еще считал меня близкой, а если узнает о покрытии долга, возненавидит вконец. Ты ведь его знаешь, он честлюбив до идиотизма. И давно он был в Дорьяне?

– Дней десять назад. Потом его видели в Малом Логе. Оттуда, как мне сообщили, поехал в Хирунд, потому что получил задание от тамошних фермеров. Как обычно, прикончить какое-то чудовище...

– И за это, как обычно, ему заплатят деньгами, – голос Йеннифэр слегка изменился, – которых, как обычно же, ему едва хватит на лечение, если чудовище его покорежит. Как обычно. Если ты, Мольнар, действительно хочешь что-то для меня сделать, свяжись с фермерами в Хирунде, пусть увеличат вознаграждение. Так, чтобы ему было на что жить.

– Как обычно, – фыркнул Жианкарди. – А если он все-таки узнает об этом?

Йеннифэр уставилась на Цири, которая смотрела на них и слушала, даже не пытаясь изображать заинтересованность Physiologus'ом.

– От кого бы это?

Цири опустила глаза. Банкир многозначительно улыбнулся, погладил бороду.

– Перед тем как выбраться на Танедд, ты отправишься в сторону Хирунда? Случайно, конечно?

– Нет, – отвела глаза чародейка. – Не направлюсь. Сменим тему, Мольнар.

Джианкарди снова погладил бороду, глянул на Цири. Цири опустила голову, закашлялась и заерзала на стуле.

– Верно, – согласился банкир, – пора сменить тему. Но твоей подопечной явно наскучила книга... и наши разговоры. А то, о чем я теперь хотел бы с тобой поговорить, наскучит ей, мне кажется, еще больше... Судьбы мира, судьбы краснолюдов этого мира, судьбы их банков – ах, какая скучная тема для юных дев, будущих выпускниц Аретузы! Приподними немного свои крылышки, Йеннифэр. Дай ей прогуляться по городу...

– Ох, да! – крикнула Цири.

Чародейка передернулась и уже собралась было возразить, но вдруг передумала. Цири не была уверена, но ей показалось, что причиной тому стало еле заметное движение глаз, сопровождавшее предложение банкира.

– Пусть девочка осмотрит достопримечательности славного града Горс Велена, – добавил Джианкарди, широко улыбаясь. – Ей положено немного свободы перед... Аретузой. А мы тут еще чуточку поболтаем кое о чем... хм... личном. Нет, я не предлагаю ребенку бродить в одиночку, хоть это и безопасный город. Я дам ей спутника и защитника – одного из моих младших коллег...

– Прости, Мольнар, – Йеннифэр не ответила на улыбку, – но мне кажется, что в нынешние времена даже в безопасном городе общество краснолюда...

– У меня и в мыслях не было, – притворно возмутился Джианкарди, – предлагать в спутники краснолюда. Клерк, о котором я говорю, сын уважаемого купца, человека, я бы так сказал, до последней морщинки. Ты думала, у меня работают только краснолюды? Эй, Вильфли! Кликни-ка сюда Фабио, одна нога тут, другая...

– Цири. – Чародейка подошла к девочке, слегка наклонилась. – Только без глупостей, чтобы мне не пришлось краснеть. А с клерком – язык за зубами, поняла? Поклянись, что будешь следить за действиями и словами. Не кивай. Обещания дают в полный голос.

– Обещаю, госпожа Йеннифэр.

– Время от времени посматривай на солнце. В полдень вернешься. Точно. А если... Нет, не думаю, чтобы кто-то тебя узнал. Но если увидишь, что кто-то слишком уж внимательно на тебя поглядывает...

Чародейка открыла кошелек, достала небольшой, покрытый рунами хризопраз в форме песочных часов.

– Спрячь в кошелек. Не потеряй. В случае чего... Заклинание помнишь? Только аккуратно, активация дает сильное эхо, а действующий амулет испускает волны. Если вблизи окажется кто-то восприимчивый к магии, ты себя не замаскируешь, а совсем наоборот. Да, вот еще тебе... Если захочешь что-нибудь купить.

– Спасибо, госпожа Йеннифэр. – Цири положила амулет и монеты в кошелек, с любопытством взглянула на вбежавшего в контору мальчика. Мальчик был веснушчат, волнистые каштановые волосы ниспадали ему на высокий воротник серой униформы клерка.

– Фабио Сахс, – представил мальчика Джианкарди.

Тот почтительно поклонился.

– Фабио, это госпожа Йеннифэр, наша почетная гостья и уважаемая клиентка. А мазель, ее воспитанница, желает посетить город. Будешь ее провожатым и защитником.

Мальчик снова поклонился, на этот раз явно в сторону Цири.

– Цири, – холодно сказала Йеннифэр, – встань, пожалуйста.

Цири встала, немного удивленная, потому что знала: обычай этого не требует. И тут же поняла. Клерк, выглядевший ее ровесником, был на голову ниже.

– Мольнар, – сказала чародейка. – Кто кого будет защищать? Не мог дать кого-нибудь посolidнее?

Мальчик покраснел и вопросительно глянул на хозяина. Джианкарди кивнул. Клерк снова поклонился.

– Милостивая государыня, – проговорил он свободно и без тени смущения. – Возможно, я и невелик ростом, но на меня можно положиться. Я хорошо знаю город, пригороды и всю округу. В случае нужды буду защищать мазель в полную силу. А когда я, Фабио Сахс Младший, сын Фабио Сахса, делаю что-то в полную силу... то мало кто из тех, что покрупнее, сравняется со мной.

Йеннифэр несколько секунд глядела на мальчика, потом повернулась к банкиру.

– Поздравляю, Мольнар. Ты умеешь подбирать сотрудников. В будущем твой младший клерк не раз порадует тебя. Истинно благородный металл высшей пробы красиво звучит, когда по нему ударишь. Цири, с полным доверием отдаю тебя под опеку Фабио, сына Фабио, поскольку это мужчина серьезный и достойный доверия.

Мальчик покраснел до корней каштановых волос. Цири почувствовала, что тоже зарумянилась.

– Фабио. – Краснолюд открыл шкатулку, покопался в звонком содержимом. – Вот тебе полнобеля и три... и два пятака. На случай, если мазель выскажет какое-либо пожелание. Если не выскажет, вернешь. Ну, можете идти.

– В полдень, Цири, – напомнила Йеннифэр. – Ни минутой позже.

– Помню, помню.

– Меня зовут Фабио, – сказал мальчик, как только они сбежали по ступеням и вышли на шумную улицу. – А тебя – Цири, да?

– Да.

– Что бы ты хотела посмотреть в Горс Велене, Цири? Главную улицу? Переулок мастеров золотых дел? Морской порт? А может, рынок и ярмарку?

– Все.

– Хм... – задумался мальчик. – Времени у нас только до полудня... Лучше всего пойти на рынок. Сегодня базарный день, там можно увидеть много интересного! Но сначала поднимемся на стену, оттуда виден весь залив и знаменитый остров Танедд. Согласна?

– Пошли.

По улице тархтели телеги, тащились лошади и волю, бондари катили бочки, кругом – шум, гам и суета. Цири немного ошарашило движение и кажущийся беспорядок, она оступилась и вместо деревянного тротуара влезла по щиколотки в грязь и навоз. Фабио хотел взять ее за руку, но она вырвалась:

– Еще чего! Я сама ходить умею!

– Хм... Ну да. Тогда пошли. Сейчас мы на главной улице. Называется она Карод и связывает Главные и Морские ворота. В ту сторону ведет к ратуше. Видишь башню с золотым петушком? Это и есть ратуша. А там вон, где цветная вывеска, – трактир «Под расшнурованным корсетом». Но туда, хм... туда мы не пойдем. Давай срежем дорогу, пройдем по Окружной улице через рыбный рынок.

Они свернули в переулок и вышли прямо на небольшую площадь, втиснувшуюся между стенами домов. Площадь была забита прилавками, бочками и кадками, из которых бил сильный запах рыбы. Тут шла оживленная и шумная торговля, перекупщики, продавцы и покупатели старались перекричать кружащих надо всем чаек. У стены сидели кошки, делая вид, будто рыба их вообще не интересуется.

– Твоя госпожа, – вдруг сказал Фабио, лавируя между прилавками, – очень строгая.

– Знаю.

– Она тебе не родная, верно?

– Да. А как ты догадался?

– Сразу видно! Она очень красивая, – сказал Фабио с жестоким, разоружающим откровением совсем еще молодого человека.

Цири повернулась словно пружина, но прежде чем успела ответить Фабио какой-нибудь колкостью относительно его веснушек и роста, мальчик уже тащил ее между тележками, бочками и прилавками, одновременно объясняя, что возвышающаяся над площадью башня называется «Воровская», что камни для ее постройки брали со дна морского и что растущие около нее деревья называются пальмами.

– Ты ужасно неразговорчивая, Цири, – неожиданно заметил он.

– Я? – изобразила она удивление. – Ничего подобного! Просто внимательно тебя слушаю. Знаешь, ты рассказываешь очень интересно. Я как раз хотела тебя спросить...

– О чем?

– А далеко отсюда до... до города Аретузы?

– Совсем близко. Только Аретуза вовсе не город. Поднимемся на стену, покажу.

Стена была высокая, с крутыми ступенями. Фабио вспотел и задыхался, и неудивительно: он не закрывал рта, сообщил Цири, что стена, окружающая Горс Велен, построена недавно, она гораздо моложе самого города, возведенного еще эльфами, сказал, что в ней тридцать пять футов высоты и что это так называемая казематная кладка, сложенная из тесаного камня и необожженного кирпича, то есть материала, лучше других выдерживающего удары таранов.

Наверху их охватил морской ветер. Цири с удовольствием вдыхала его после плотной и неподвижной духоты города. Она оперлась локтями о край стены, глядя сверху на расцветенный парусами порт.

– Что это, Фабио? Вон та гора?

– Остров Танедд.

Остров, казалось, был совсем близко. И походил не на остров, а на вколоченный в морское дно гигантский каменный столб, огромный зиккурат, спеленутый змеящимся серпантинном дорогами, террасами и зигзагами лестниц. На террасах зеленели рощицы и сады, а из зелени проглядывали прилепившиеся к скалам, будто ласточкины гнезда, белые островерхие башни и изящные купола, венчающие группы окруженных галереями зданий, которые, похоже, были возведены не хитроумными строителями, а вырезаны в склонах горы, вздымающейся из морской пучины.

– Все это создали эльфы, – пояснил Фабио. – Говорят, с помощью эльфьей магии. Однако уже с незапамятных времен Танедд принадлежит чародеям. Ближе к вершине, там, где – видишь? – блестят на солнце купола, расположен дворец Гарштанг. В нем через несколько дней откроется Большой Сбор магигов. А вон там, смотри, уже на самой вершине, высокая одинокая башня с зубцами. Это Тор Лара, Башня Чайки.

– Туда можно попасть по суше? Это же близко.

– Можно. Есть мост, он соединяет берег залива с островом. Его отсюда не видно, деревья заслоняют. А видишь красные крыши у подножия горы? Это дворец Локсия. Туда-то и ведет мост. Только через Локсию можно пройти к дороге, ведущей на верхние террасы.

– А туда, где вон те миленькие галерейки и мостики? И сады? Как они держатся на камнях и не падают? Что это за дворец?

– Это и есть Аретуза, которая тебя интересовала. Знаменитая школа для юных чародеек.

– Ах, – Цири облизнула губы, – так это там... Слушай, Фабио...

– Слушаю.

– Ты хоть иногда встречаешь молодых чародеек, которые учатся в школе? Ну, в Аретузе? Мальчик удивленно взглянул на нее.

– Что ты! Никогда! С ними никто не встречается! Им запрещено покидать остров и выходить в город. А на территорию школы никого вообще не пропускают. Даже бургграфа и судеб-

ного исполнителя. Если у них возникает какое-то дело к чародейкам, они могут пройти только в Локсию. На самый нижний уровень.

– Так я и думала, – покачала головой Цири, не отрывая глаз от горящих золотом крыш Аретузы. – Прямо не школа, а тюрьма какая-то! На острове, на скале, да еще и над пропастью. Тюрьма – и вся недолга.

– Вообще-то да, – согласился Фабио, немного подумав. – Оттуда довольно трудно выйти... Только там не как в тюрьме. Просто ученицы – молодые девушки. Их надо охранять...

– От чего?

– Ну... – замялся мальчик. – Ты же знаешь...

– Не знаю.

– Хм... Я думаю... Ох, Цири, никто же их не запирает в школе. Они сами хотят...

– Ну конечно. – Цири шельмовски улыбнулась. – Хотят – вот и сидят в своей тюрьме. Не хотели б, так не дали бы себя запереть. Все так просто – надо только вовремя сбежать. Еще до того, как туда попадешь, потому как потом может быть труднее...

– Как это – сбежать? А куда им...

– Им, – прервала Цири, – вероятно, некуда, бедняжкам. Фабио? А где город... Хирунд? Мальчик удивленно глянул на нее.

– Хирунд не город. Это ферма. Большая ферма. Там есть сады и огороды, поставляющие овощи и фрукты всем городам в округе. Есть пруды, в которых разводят карпов и других рыб...

– И далеко до этого Хирунда? В какую сторону? Покажи.

– Зачем тебе?

– Покажи, прошу тебя.

– Видишь дорогу, ведущую на запад? Там, где телеги? По ней как раз и едут в Хирунд. Верст пятнадцать, все время лесами.

– Пятнадцать верст, – повторила Цири. – Недалеко, если конь хороший... Спасибо, Фабио.

– За что?

– Не важно. Теперь проводи меня на рынок. Ты обещал.

– Пошли.

Такой толчеи, суеты, сутолоки и гомона, какие встретили их на рынке Горс Велена, Цири еще видеть не доводилось. Шумный рыбный базар, через который они недавно проходили, по сравнению с рынком показался бы тихим храмом. Площадь была огромной, и все-таки Цири казалось, что пройти на территорию ярмарки невозможно. Оставалось лишь взглянуть изда-лека. Однако Фабио смело врзался в спрессованную толпу, волоча девочку за собой. У Цири сразу же закружилась голова.

Продавцы вопили, покупатели орали еще громче, затерявшиеся в толкотне дети выли и стонали. Мычали коровы, блеяли овцы, кудахтали куры и гоготали гуси. Ремесленники-краснолюды яростно колотили молотками по каким-то железякам, а когда прерывали свое занятие, чтобы напиться, начинали жутко ругаться. В нескольких точках площади надрывались пищалки, гусли и цимбалы, видимо, там давали концерты ваганты и музыканты. Вдобавок ко всему кто-то невидимый в этом бедламе, но наверняка не музыкант, без устали дул в латунную трубу.

Цири отскочила от трусившей прямо на нее, пронзительно визжащей свиньи и налетела на клетку с курами. Ее толкнули, она наступила на что-то мягкое и мяукающее. Шарахнулась, чуть не угодив под копыта огромной, вонючей, отвратной и ужасающе странной скотины, расталкивающей людей косматыми боками.

– Что это было? – ойкнула она, пытаясь удержаться на ногах. – А, Фабио?

– Верблюд. Не бойся!

– А я и не боюсь! Тоже мне! Подумаешь, вербульд!!!

Она с любопытством оглядывалась. Понаблюдала за работой низушков, на глазах у всех изготавливавших изящные бурдюки из козьей шкуры, повосхищалась прелестными куклами, которых предлагали на своем прилавке две полуэльфки. Долго рассматривала изделия из малахита и яшмы, выставленные на продажу угрюмым и все время бурчащим гномом. С интересом и знанием дела осмотрела мечи в мастерской оружейника. Остановилась около девушек, плетущих корзинки из ивы, и пришла к выводу, что нет ничего хуже такой работы.

«Трубодуй» перестал надрываться. Вероятнее всего, его прикончили.

– Чем так вкусно пахнет?

– Пончиками. – Фабио пощупал кошелек. – Хочешь попробовать один?

– Хочу попробовать два.

Продавец подал три пончика, принял пятак и сдал четыре медяка, один из которых переломил пополам. Цири, уже немного освоившаяся, с интересом наблюдала за операцией продавца, жадно поглощая первый пончик.

– Не отсюда ли, – спросила она, принимаясь за второй, – пошла поговорка «ломаного гроша не стоит»?

– Отсюда. – Фабио прикончил свой пончик. – Ведь монет меньше гроша не существует. А там, откуда ты родом, полугроши не в ходу?

– Нет. – Цири облизнула пальцы. – Там, откуда я родом, в ходу золотые дукаты. Кроме того, все это ломанье было бессмысленным и ненужным.

– Почему?

– Потому что я хочу съесть третий пончик.

Заполненные сливовым повидлом пончики подействовали как самый волшебный эликсир. У Цири поднялось настроение, и бурлящая народом площадь перестала ее пугать, изумлять и даже начала нравиться. Она больше не позволяла Фабио тащить себя, а сама потянула его в самую гущу, к тому месту, с которого кто-то произносил речь, забравшись на импровизированную трибуну из бочек. Оратором оказался престарелый толстяк. По бритой голове и коричневому балахону Цири признала в нем бродячего жреца. Ей уже встречались такие, время от времени они навещали храм Мелитэле в Элландере. Мать Нэннеке никогда не называла их иначе как «эти дурные фанатики».

– Един на свете закон! – рычал толстый жрец. – Божий закон! Вся природа подчинена этому закону, вся земля и все, что на сей земле произрастает! А чары и магия – противны сему закону. Проклятие чародеям, близок уже день гнева, когда огонь небес поразит их богомерзкий остров! Рухнут стены Локсии, Аретузы и Гарштанга, за коими собираются ныне эти безбожники, плетущие козни! Рухнут эти стены...

– И придется, мать их перемать, все заново возводить, – буркнул стоящий рядом с Цири подмастерье в одежде, умаруханной известью.

– Увещаю вас, люди добрые и благочестивые, – не унимался жрец, – не верьте чародеям, не обращайтесь к ним за советами и с просьбами. Не позволяйте им соблазнять себя ни видом роскошным, ни речью гладкой, ибо истину говорю вам, чародеи оные есть аки гробы повапленные, снаружи прекрасные, изнутри же гнили и истлевших костей полные!

– Гляньте на него, – проговорила молодая женщина с корзинкой, полной моркови, – вот треплется! На магигов, вишь ты, лает, потому как завидует, вот и все.

– Точно, – поддакнул каменщик, – у самого, ишь, башка словно яйцо лысая, а брюхо аж до колен. А чародеи – вона какие красивые, не плешивеют, не брюхатят... А чародейки, ого, сама красотища...

– Ибо твои раскрасавицы души дьяволу запродали! – крикнул невысокий типчик с сапожным молотком за поясом.

– Глуп ты, подошва гнилая. Если б не добрые тетки с Аретузы, ты б давно с сумой по миру пошел! Им скажи спасибо, что есть чего жрать.

Фабио потянул Цири за рукав, и они снова нырнули в толпу, которая понесла их к центру площади. Послышался грохот бубна и громкие крики, призывающие к тишине. Толпа и не думала замолкать, но глашатаю с деревянного помоста это вовсе не мешало. У него был зычный, хорошо поставленный голос, и он умел им пользоваться.

– Возвещаю, – заорал он, развернув рулон пергамента, – что Гуго Ансбах, низушек по рождению, объявлен вне закона, ибо злоумышленникам-эльфам, кои «белками» именуются, в доме своем ночлег и приют доставил. То же самое Юстин Ингвар, кузнец, краснолюд по рождению, кой негодникам оным наконечники для стрел ковал. Сим на обоих поименованных бургграф поиск оглашает и ловить их наказывает. Кто их схватит, тому награда – пятьдесят крон наличными. А ежели кто даст им пропитание альбо укрытие, их сообщником почитаться будет и одинаковая кара ему, какая и им назначена. А ежели в ополье либо в селении схвачены будут, все ополье либо все селение расплачиваться будут...

– Энто кто ж, – раздался выкрик в толпе, – низушку схронение дал! По ихним фермам пушай шукают, а найдут, то всех их, нелюдев, в яму!

– Не в яму, на шибеницу!

Глашатай принялся читать дальнейшие объявления бургграфа и городского совета, но Цири потеряла к ним интерес. Она как раз намеревалась выбраться из толчеи, когда вдруг почувствовала на ягодице руку. Вовсе не случайную, нахальную и невероятно искусную.

Теснота, казалось бы, не позволяла обернуться, но Цири научилась в Каэр Морхене двигаться в местах, в которых двигаться невозможно. Она развернулась, вызвав некоторое замешательство окружающих. Стоявший у нее за спиной юный жрец с бритой головой усмехнулся нагловатой, отработанной ухмылкой. Ну и что, говорила эта ухмылка, что теперь? Чудненько покраснеешь и этим румянцем все окончится?

Видимо, жрец никогда не имел дела с ученицами Йеннифэр.

– Лапы прочь, ты, дубина лысая! – заорала Цири, бледнея от бешенства. – За свою задницу хватайся, ты... гроб повапленный!!!

Воспользовавшись тем, что зажатый в толпе жрец не мог пошевелиться, Цири собралась его пнуть, но помешал Фабио, спешно оттащивший ее подальше от священнослужителя и места происшествия. Видя, что она вся трясется от злости, он подсунул ей горсть посыпанных сахарной пудрой хрустиков, при виде которых Цири мгновенно забыла об инциденте. Они стояли около ларька, там, откуда был виден подиум с позорным столбом посередине. Однако преступника там не было, а сам подиум был увешан гирляндами цветов и служил ареной группе разряженных как попугаи бродячих музыкантов, изо всех сил рвущих струны гуслей и попискивающих на дудках и свистульках. Молодая черноволосая девушка в украшенном цехинами сердаке пела и плясала, потрясая тамбурином и весело притопывая маленькими туфельками:

Вот однажды чародейку тяпнула гадюка.

Чародейка хоть бы охнуть, а гадюка – трупом!

Толпящиеся вокруг подиума зрители хохотали до упаду и хлопали в ритм песенки. Продавец сладких хрустиков бросил в шипящее масло очередную порцию. Фабио облизнул пальцы и потянул Цири за рукав.

Ларьков было бесчисленное множество, и всюду предлагали что-нибудь вкусненькое. Они отведали еще по пирожному с кремом, потом – заодно – вяленого угорька, заели чем-то очень странным, жареным и наколотым на палочку. Позже задержались у бочек с квашеной капустой и сделали вид, будто пробуют, намереваясь якобы купить побольше. А поскольку, наевшись, так и не купили, торговка обозвала их засранцами.

Пошли дальше. На оставшиеся деньги Фабио приобрел корзиночку груш-бергамоток. Цири глянула на небо, но решила, что еще не полдень.

- Фабио! А что за палатки и будки вон там, у стены?
- Разные увеселения. Хочешь взглянуть?
- Хочу.

Перед первой палаткой стояли одни мужчины, возбужденно переступающие с ноги на ногу. Изнутри доносились звуки флейты.

– «Чернокожая Лейла... – Цири с трудом прочитала корявую надпись на полотне, – выдает в танце все секреты своего тела...» Глупость какая-то! Какие секреты?..

– Пошли дальше, пошли, – торопил Фабио, слегка покраснев. – Взгляни, это интересно. Здесь принимает ворожейка, будущее предсказывает. У меня еще есть два гроша, хватит...

– Жаль денег, – фукнула Цири. – Тоже мне – предсказание за два гроша! Чтобы предсказывать, надо быть вещуньей. Вещание – великий талант. Даже среди чародеек не больше чем одна из ста способна на такое.

– Моей старшей сестре, – заметил мальчик, – ворожейка предсказала, что она выйдет замуж, и это оправдалось. Не гримасничай, Цири. Пошли поворожим тебе...

– Я не хочу выходить замуж. Не хочу ворожбы. Тут жарко, а из этой палатки несет ладаном, я туда не пойду. Хочешь, иди один, я подожду. Только не знаю, на кой тебе эти предсказания. Что ты хочешь узнать?

– Ну... – замялся Фабио. – Больше всего... Буду ли я путешествовать. Смогу ли повидать весь мир...

«Будет, – вдруг подумала Цири, чувствуя головокружение. – Он будет плавать на больших белых парусниках... Доберется до стран, которых до него никто не видел... Фабио Сахс, первооткрыватель новых земель... Его именем назовут полуостров, край континента, который сегодня еще не имеет названия. Пятидесяти четырех лет, имея жену, сына и трех дочерей, он умрет вдали от дома и близких... От болезни, которая сегодня еще не имеет названия...»

– Цири! Что с тобой?

Она потеряла лицо рукой. Ей казалось, что она выныривает из воды, выбирается к поверхности со дна глубокого, ледяно-холодного озера.

– Ничего, ничего... – пробормотала она, оглядываясь и приходя в себя. – Голова закружилась... Все из-за жары. И ладана из палатки...

– Скорее всего из-за капусты, – серьезно сказал Фабио. – Напрасно мы столько съели. У меня тоже в животе бурчит.

– Ничего со мной не случилось! – Цири молодежато задрала голову, действительно почувствовав себя лучше. Мысли, которые вихрем пронеслись в голове, развеялись и тут же забылись. – Пошли, Фабио. Идем дальше.

– Хочешь грушу?

– Конечно.

У стены группа подростков играла в волчок на деньги. Волчок, обмотанный шнурком, надо было ловким, напоминающим щелчок бича рывком заставить вращаться так, чтобы он накручивал круги по начерченным мелом полям. Цири обыгрывала в волчок большинство мальчиков в Скеллиге, обыграла и всех послушниц в храме Мелитэле. Она уже собиралась было вступить в игру и освободить сорванцов не только от медяков, но и от залатанных штанов, когда ее внимание вдруг привлекли громкие крики.

На самом конце шеренги палаток и будок стояла притиснутая к стене и каменной лестнице странная полукруглая выгородка, образованная полотнищами, растянутыми на саженной высоты шестах. Между двумя шестами был вход, который загораживал высокий рябой мужчина в стеганке и полосатых штанах, заправленных в матросские сапоги. Перед ним теснилась кучка людей. Сунув в горсть рябого несколько монет, люди по одному скрывались за полотнищем. Рябой кидал деньги в большое сито, позвякивал ими и хрипло выкрикивал:

– Ко мне, добрые люди! Ко мне! Собственными глазами увидите самое страшнейшее страшилище, какое только боги создали! Ужас и страх! Живой василиск, ядовитое страховидло зерриканских пустынь, воплощение дьявола, ненасытный людоед! Такого чудовища вы еще не видели, люди! Только что пойманное, из-за моря на корабле привезенное! Взгляните, взгляните на живого, злострашного василиска собственными глазами! Последняя возможность! Здесь, у меня, всего за три пятака! Бабы с детьми – по два!

– Ха, – сказала Цири, отгоняя от груди ос. – Василиск? Живой? Надо обязательно взглянуть. До сих пор я видела только гравюры. Пошли, Фабио.

– У меня кончились деньги.

– У меня есть. Я заплачу. Пошли смело.

– Полагается шесть. – Рябой взглянул на брошенные в горсть медяки. – Три пятака с особы. Дешевше только бабы с детьми.

– Он, – Цири ткнула в Фабио грушей, – ребенок. А я – баба.

– Дешевше только бабы с детьми на руках, – заворчал рябой. – Ну, давай, добавляй еще два пятака, хитроумная девка, или валяй отседова и пропусти других. Поспешите, люди! Осталось всего три свободных места.

Пришлось добавить.

За выгородкой из полотнищ толпились горожане, плотным кольцом окружая сколоченное из досок возвышение, на котором стояла покрытая ковром клетка. Запустив недостающих до комплекта зрителей, рябой запрыгнул на помост, взял длинную палку и сдернул ковер. Понесло падалью и отвратительной вонью. Зрители зашептались и малость отступили.

– Осторожнее, добрые люди, – упредил рябой. – Не слишком близко, это опасно!

В клетке, явно ему тесной, свернувшись клубком, лежал ящер, покрытый темной чешуей со странным рисунком. Когда рябой стукнул по клетке палкой, гад зашевелился, зашуршал чешуйками по прутьям, вытянул длинную шею и пронзительно зашипел, демонстрируя острые белые конические зубы, резко контрастирующие с почти черной чешуей, обрамляющей пасть. Зрители охнули. Залился лаем кудлатый песик, которого держала на руках женщина с внешностью торговки.

– Смотрите внимательней, – крикнул рябой, – и радуйтесь, что в наших сторонах подобные чудовища не обретаются! Вот чудовищный василиск из далекой Зеррикании! Не приближайтесь, не приближайтесь, потому как хоть он и заперт в клетке, но одним токмо своим дыханием может отравить!

Цири и Фабио наконец протолкались сквозь кольцо зрителей.

– Василиск, – продолжал с возвышения рябой, опираясь на палку, как страж на алебарду, – это самая что ни на есть ядовитая гадина на свете! Ибо василиск – царь всех змей! Если б василисков было больше, наш мир пропал бы бесследно! К огромному счастью, это чудовище редкое, ибо рождается из петушиного яйца. А сами знаете, люди, что яйца сносит не каждый петух, а только такой паршивец, который на манер квочки другому петуху гузку подставляет.

Зрители дружным смехом прореагировали на шутку. Не смеялась лишь Цири, все время внимательно рассматривавшая существо, которое, раздраженное шумом, извивалось, билось о прутья клетки и кусало их, тщетно пытаясь расправить в тесноте исковерканные крылья.

– Яйца, таким петухом снесенные, – тянул рябой, – должны сто и одна змея высиживать! А когда из яйца проклюнется василиск...

– Это не василиск, – заметила Цири, откусывая грушу. Рябой косо глянул на нее.

– ... А когда выклюнется василиск, говорю, – продолжал он, – тогда он всех змей в гнезде пожрет, их яд поглотит. Но вреда ему от того никакого не будет. Сам же ядом так надуется, что не токмо зубом забить сумеет и не прикосновением даже, но дыхом одним! А ежели конный

рыцарь возьмет и пикой василиска проткнет, то яд по древку вверх ударит и одновременно седока с конем на месте повалит.

– Это неправдивая неправда, – громко сказала Цири, выплевывая семечко.

– Самая наиправдивейшая правда! – возразил рябой. – Убьет. И коня, и седока убьет!

– Как же, жди!

– Тихо, мазелечка! – крикнула торговка с собачкой. – Не мешай! Хотца нам полюбопытствовать и послушать!

– Перестань, Цири, – шепнул Фабио, ткнув ее в бок.

Цири фыркнула на него и полезла в корзинку за очередной грушей.

– От василиска, – рябой повысил голос, перебивая нарастающий меж зрителей шум, – каждый зверь в тот же миг сбегает, как только его шипение услышит. Каждый зверь, даже дракон, да что там, коркодрил даже, а коркодрилы невозможно страшные, кто их видел, тот знает. Одно только единое животное не боится василиска – это куна. Куница значит. Куна, как только чудовище в пустыне узрит, тут же в лес как можно шибчей мчится, там только одной ей ведомое зелье выищет и съест. Тогда василисков яд уже куне не страшен, и она может его насмерть загрызть.

Цири хохотнула и издала губами протяжный, совершенно непристойный звук.

– Эй, мудрила! – не выдержал рябой. – Ежели тебе что не нравится, убирайся отседова. Нечего силком слушать и на василиска пялиться.

– Никакой это не василиск.

– Да? А что же оно такое, мазель мудрила?

– Выворотка, – заметила Цири, отбрасывая хвостик груши и облизывая пальцы. – Обычная выворотка. Молодая, маленькая, изголодавшаяся и грязная. Но выворотка, и все тут. На Старшей Речи – выверна.

– О, гляньте-ка! – воскликнул рябой. – Ишь какая умная да ученая к нам заявила! Заткнись, не то я тебе...

– Эй-эй, – проговорил светловолосый юноша в бархатном берете и вамсе без герба, какие носят оруженосцы, держащий под руку тоненькую и бледненькую девушку в платьице абрикосового цвета. – Не так шибко, господин зверолов! Не угрожайте благородной девушке, не то я вас запросто своим мечом успокою. Кроме того, что-то тут шельмовством попахивает.

– Какое шульмовство, милсдарь юный рыцарь? – возмутился рябой. – Лгет эта соп... Я хотел сказать, эта благородная мазель ошибается! Это василиск.

– Это выворотка! – повторила Цири. – Тоже мне – василиск, ха!

– Какая еще «воротка»! Только гляньте, какой грозный, как шипит, как клетку кусает! Какие у него зубища-то! Зубища, говорю, как у...

– ...как у выворотки, – поморщилась Цири.

– Ежели ты вовсе разуму лишилась, – рябой одарил ее взглядом, которого не устыдился бы настоящий василиск, – то подойди! Подойди, чтобы он на тебя дыхнул! Враз все узрят, как ты копыта откинешь, посинеешь от яда! Ну, подойди!

– Пожалуйста. – Цири вырвала руку у Фабио и сделала шаг вперед.

– Я этого не допущу! – крикнул светловолосый оруженосец, отпуская руку абрикосовой подружки и заграждая Цири дорогу. – Этого делать нельзя. Ты слишком рискуешь, милая дама.

Цири, которую еще никто не величал милой дамой, слегка зарумянилась, взглянула на юношу и затрепыхала ресницами тем самым способом, который не раз испробовала на писаре Ярре.

– Нет никакого риска, благородный рыцарь, – кокетливо улыбнулась она наперекор запретам Йеннифэр, которая достаточно часто напоминала ей присказку о дураке и сыре. – Ничего со мной не случится. Ее ядовитое дыхание – выдумка!

– И все же я хотел бы, – юноша положил руку на оголовье меча, – быть рядом с тобой. Для защиты и охраны... Позволишь?

– Позволю. – Цири не понимала, почему бешенство на лице абрикосовой девушки доставляет ей такое удовольствие.

– Она под моей охраной и защитой! – поднял голову Фабио, вызывающе взглянув на оруженосца. – Я тоже иду с ней!

– Милостивые государи. – Цири вскинула голову. – Больше выдержки. И не толкайтесь. Всем места хватит.

Кольцо зрителей заволновалось и загудело, когда она смело подошла к клетке, чуть ли не чувствуя дыхание обоих мальчиков на затылке. Выворотка яростно зашипела и заметалась, в ноздри зрителей ударил змеиный смрад. Фабио громко засопел, но Цири не отступила. Подошла еще ближе и протянула руку, почти коснувшись клетки. Чудовище бросилось на прутья, хватая их зубами. Толпа снова закачалась, кто-то ойкнул.

– Ну и что, – гордо подбоченилась Цири. – Умерла? Отравило меня это ядовитое чудовище? Это такой же василиск, как я...

Она осеклась, заметив неожиданную бледность, покрывшую лица оруженосца и Фабио. Мгновенно обернулась и увидела, что два прута клетки расходятся под напором разъяренного ящера, вырывая из рамы ржавые гвозди.

– Бегите! – крикнула она во весь голос. – Клетка ломается!

Зрители с ревом ринулись к выходу. Некоторые пытались пробиться через полотно, но запутались в нем сами и запутали других, повалили шесты, попадали друг на друга, образуя верещащий клубок. Оруженосец схватил Цири за руку в тот момент, когда она пыталась отскочить, в результате оба завертелись, споткнулись и упали, переворачивая Фабио. Кудлатый песик торговли принялся лаять, рябой – поносить всех святых, а совершенно запутавшаяся абрикосовая девушка – пронзительно визжать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.